

Проф. Д. Кудрявскій.

Какъ жили люди въ старину.

Очерки первобытной культуры.

Издание четвертое, исправленное и дополненное.

Юрьевъ.

Типографія К. Маттисена.

1911.

Est, A-11320

Проф. Д. Кудрявскій.

Какъ жили люди въ старину.

Очерки первобытной культуры.

Издание четвертое, исправленное и дополненное.

Юрьевъ.

Типографія К. Маттисена.

1911.

Предисловіе къ четвертому изданію.

Въ четвертомъ изданіи нѣкоторой переработкѣ подвергся отдѣлъ о происхожденіи языка и прибавленъ отдѣлъ о первобытномъ искусствѣ (съ двумя рисунками). Въ остальномъ текстѣ были сдѣланы лишь незначительныя поправки.

Юрьевъ (Дерптъ), 1 мая 1911 г.

Д. Кудрявскій.

Предисловіе къ третьему изданію.

Въ третьемъ изданіи измѣнено мною только то, что было вычеркнуто во второмъ цензурою. Конечно, исправлены также нѣкоторыя шероховатости стиля и вкравшіяся ошибки. Въ общемъ же оно представляетъ перепечатку второго изданія.

Юрьевъ (Дерптъ), 16 мая 1906 г.

Д. Кудрявскій.

Предисловіе ко второму изданію.

Во второмъ изданіи, кромѣ мелкихъ исправленій текста, нѣкоторые отдѣлы за-ново обработаны и прибавлены. Переработанъ, напр., очеркъ исторіи первобытной семьи; прибавленъ очеркъ первобытной религіи. Литературныхъ указаній въ текстѣ не сдѣлано по причинамъ, указаннымъ въ предисловіи къ первому изданію.

Юрьевъ (Дерптъ), 26 ноября 1901 г.

Д. Кудрявскій.

Предисловіе къ первому изданію.

При составленіи этихъ „Очерковъ первобытной культуры“, авторъ пользовался многими какъ русскими, такъ и иностранными источниками. Само собою разумѣется, что при такомъ маломъ объемѣ этого труда указывать, откуда взято то или другое свѣдѣніе, то или другое объясненіе, было и невозможно, и не цѣлесообразно. Вотъ главныя сочиненія, которыми пользовался авторъ: Julius Lippert, Die Kulturgeschichte in einzelnen Hauptstücken. 3 Abteilungen (отсюда заимствованы и рисунки). — Morgan, Die Urgesellschaft. Stuttgart 1891. — Fr. Engels, Der Ursprung der Familie etc. Stuttgart 1892 (4 изд.). — Зиберъ, Очерки первобытной экономической культуры. Москва. 1883 и др.

С.-Петербургъ, 3 апрѣля 1894 г.

Авторъ.

Введеніе.

Человѣкъ не сразу достигъ того положенія, которое онъ занимаетъ теперь. Огромныхъ трудовъ стоило ему добиться этого положенія. И не одинъ человѣкъ трудился надъ этимъ, а цѣлыя общества вносили, что могли, въ общее дѣло. Поколѣнія смѣнялись поколѣніями въ теченіе многихъ вѣковъ и тысячелѣтій, а человѣкъ даже и не замѣчалъ того, что жизнь его измѣняется, и часто былъ вполне увѣренъ, что онъ живетъ точно такъ же, какъ жили его отцы. Такъ медленно двигалось человѣчество впередъ, завоевывая себѣ все болѣе и болѣе обеспеченное существованіе. Но откуда же узнали мы, что человѣчество дѣйствительно прошло это путь, если никто изъ людей этого не помнитъ, а всякій думаетъ, что такъ, какъ онъ самъ живетъ, жили испоконъ вѣку?

И это знаніе далось не сразу. Мы знаемъ это отчасти изъ тѣхъ памятниковъ прежней жизни человѣка, которые сохранились до сихъ поръ.

Во многихъ мѣстахъ находятъ въ землѣ человѣческія кости, скелеты и черепа, а рядомъ различную посуду, утварь и украшенія, которыя принадлежали, очевидно, жившимъ тогда людямъ. И у насъ, въ Россіи, при раскопкахъ кургановъ (древнихъ могилъ) находятъ вмѣстѣ со скелетами различную утварь и оружіе, которое прежде погребали вмѣстѣ съ трупомъ умершаго. По этимъ-то остаткамъ мы и догадываемся, какъ жили люди въ старину.

Знаемъ мы это тоже и изъ словъ древнихъ писателей, которые прямо рассказываютъ намъ о жизни древнихъ народовъ. И съ тѣхъ самыхъ поръ, когда только человѣкъ научился записывать свои мысли, до нашихъ дней мы можемъ сравнительно довольно точно рассказать исторію каждаго изъ этихъ народовъ.

Но вѣдь не мало прошло времени и до тѣхъ поръ, пока человѣкъ научился записывать свои мысли. Какъ же намъ проникнуть въ тѣ времена, когда еще не было письма, во времена доисторическія? Можно было, конечно, догадываться, какія измѣненія произошли до этого времени; но вѣдь догадкамъ этимъ много вѣры давать нельзя: одинъ предполагаетъ одно, другой другое, а кто правъ? такъ и не разберешь.

Разобраться въ этомъ вопросѣ помогло слѣдующее обстоятельство. Когда была открыта Америка, а потомъ и Австралія, то между Европой и Новымъ Свѣтомъ завязались постоянныя сношенія. Уже первые мореплаватели, попавшіе туда, обратили вниманіе на то, что живутъ тамъ совершенно особенные люди, живутъ совсѣмъ не такъ, какъ живутъ въ Европѣ. Въ Австраліи и Америкѣ оказались и такіе люди, которые ходили совсѣмъ нагишомъ, и такіе, которые уже имѣли большія сооруженія. Первое, что бросилось въ глаза, была, конечно, разница между жизнью европейцевъ и жизнью новооткрытыхъ народовъ.

Европейцы сразу замѣтили, что тѣ народы во всемъ ниже ихъ, что они дикіе. Явилось сейчасъ же и презрѣніе къ нимъ, явилась и вражда, тѣмъ болѣе, что туземцы, конечно, не особенно были рады новымъ гостямъ. Но волей-неволей пришлось столкнуться съ этими туземцами. Для переселившихся въ новыя земли европейцевъ эти народы были во всякомъ случаѣ сосѣдями, хотя и нелюбимыми. Пришлось ознакомиться съ ихъ жизнью и обычаями. Находились люди, которые вступали съ этими дикими въ дружескія отношенія, даже жили въ ихъ средѣ. Съ другой стороны, чтобы смирить беспокойныхъ сосѣдей, католическіе монахи, проповѣдники стремились проповѣдывать Евангеліе среди нихъ, и для того, конечно, должны

были выучиться языку туземцевъ и изучить условія ихъ жизни. Такимъ образомъ европейцы познакомились съ жизнью дикихъ народовъ, и, чѣмъ дальше шло это дѣло, тѣмъ становилось все яснѣе и яснѣе, что вовсе не существуетъ такого большого различія между европейцами и дикими.

Оказалось, что у нихъ есть много хорошихъ качествъ, которыхъ не найти у европейцевъ; во многомъ сами европейцы оказались ничуть не лучше этихъ дикихъ; наконецъ, оказалось, что многое, существующее у дикихъ, прежде существовало и у европейцевъ.

Въ различныхъ мѣстахъ Европы стали находить орудія, утварь, украшенія, похожія на тѣ, какія употребляютъ дикіе. Ученые нарочно производили раскопки и находили цѣлыя массы такихъ вещей. Такое сходство утвари можно объяснить только тѣмъ, что и предки наши вели такую же жизнь, какую ведутъ и теперь дикари. Вотъ тутъ то и начинается разрѣшеніе вопроса о нашемъ прошломъ.

Оказалось, что въ жизни дикихъ происходитъ на нашихъ глазахъ то самое, что совершалось въ незапамятныя времена и въ жизни нашихъ предковъ.

Когда такимъ образомъ отыскался ключъ къ разрѣшенію этого вопроса, то стали изучать жизнь дикихъ еще внимательнѣе. Теперь уже перестали видѣть въ ней только одну дикость, а смотрѣли на нее, какъ на свое собственное прошлое. Въ ней искали разрѣшенія такихъ вопросовъ, на которые не могла отвѣтить исторія европейскихъ народовъ.

Такимъ образомъ европейцы нашли свое прошлое и могли начинать исторію всего человѣчества съ того состоянія, когда человѣкъ стоялъ совершенно одинокимъ среди природы и едва умѣлъ добывать скудныя средства существованія, не имѣя въ борьбѣ съ окружающими вредными вліяніями никакихъ средствъ, кромѣ тѣхъ, которыя давала ему природа, но которыя онъ еще не умѣлъ отыскивать.

И такъ, вотъ съ чего начинается исторія человѣка. Онъ находится среди природы, которая ему даетъ все, что ему нужно, если только онъ

сумѣть отыскать и взять необходимое. Но та же самая природа приносить ему не мало вреда. Человѣкъ стоитъ совершенно на ступени животнаго и только тогда сможетъ возвыситься надъ нимъ, когда лучше его сумѣетъ управлять слѣпными силами природы, когда научится бороться съ этой враждебной природой, пользуясь тѣми средствами, которыя она же сама даетъ ему. Въ этой борьбѣ человѣкъ развиваетъ всѣ свои способности и наконецъ выходитъ побѣдителемъ надъ природою.

Но онъ стоитъ не одинокимъ въ этой борьбѣ. Лишенный отъ природы всякихъ средствъ къ защитѣ противъ враговъ, которыхъ было не мало въ тѣ далекія отъ насъ времена, онъ борется не одинъ, а цѣлыми группами, обществами. Такимъ образомъ его борьба съ природою была въ то же время школой общественной жизни, и уже въ первобытныя времена мы находимъ у человѣка зародыши общественной жизни, которая развивалась, мѣняя свои формы въ зависимости отъ того, какъ мѣнялись окружающія условія.

Наконецъ, общественная жизнь выработала свое особое орудіе общенія — языкъ, служащій какъ для общенія людей между собою, такъ и для развитія самой высокой стороны человѣческой природы — ума, который такимъ образомъ сдѣлался однимъ изъ важнѣйшихъ орудій человѣческаго развитія. — Знанія, накопленныя прежними поколѣніями, передавались послѣдующимъ и облегчали имъ работу.

Вообще все, совершающееся въ человѣческой жизни, такъ или иначе отражалось въ умѣ и въ болѣе или менѣе сильной степени снова воздѣйствовало на жизнь человѣка, производя въ ней тѣ или другія измѣненія.

Итакъ условія матеріальной жизни, жизнь общественная и умственная — вотъ то, изъ чего слагается исторія человѣчества.

Не слѣдуетъ думать, что эти три области стоятъ отдѣльно другъ отъ друга. Напротивъ, онѣ связаны между собой очень тѣсно: матеріальныя условія жизни составляли почву для той или другой формы общественной жизни, а умственная жизнь отражала и ту, и другую сторону, и работала надъ измѣненіемъ и матеріальныхъ условій, и условій общественной жизни. Чтобы показать связь этихъ трехъ сторонъ, приведемъ небольшой примѣръ. Въ Азій во многихъ мѣстахъ, гдѣ разводился рисъ, главная пища жителей, на примѣръ въ Индіи, люди съ давнихъ временъ должны были обратиться къ устройству искусственнаго орошенія. Такъ какъ такое сооруженіе требовало усилій многихъ людей, то для его выполненія люди соединялись въ большія группы. Чтобы установить порядокъ и въ работѣ надъ сооруженіемъ, и въ пользованіи имъ, и въ ремонтнровкѣ его, которая была необходима, — они выбирали начальниковъ, на обязанности которыхъ и лежало веденіе всего этого дѣла. Этотъ начальникъ имѣлъ право распоряжаться надъ людьми во время работъ, требовать ихъ на работу, наказывать за неисполненіе и т. п. Такимъ образомъ матеріальныя условія соединили людей въ группу, въ общество, которое само установило власть, завѣдующую какъ матеріальной стороною дѣла, такъ и людьми.

Все то, что человѣчество завоевывало въ своей вѣковой борьбѣ съ природою, называется общимъ именемъ культуры.

Первые шаги человѣка и первыя завоеванія его въ этой области обыкновенно называютъ первобытною культурою. Само собой разумѣется, что многое такое, что разсматриваетъ первобытная культура, существуетъ еще и теперь у народовъ высоко цивилизованныхъ. Стало-быть не надо думать, что все первобытное для насъ уже прошло: оно иногда оказывается живучимъ и даже очень стойкимъ. Дѣло въ томъ, что и это первобытное добыто обыкновенно большимъ трудомъ, и человѣкъ, точно до мелочей исполняя то, что завѣщали ему отцы, не сразу отказывается отъ полезнаго приобрѣтенія, хотя существуетъ уже болѣе полезное, болѣе соотвѣтствующее новому по-

ложенію дѣлъ. Тутъ играютъ большую роль преданія всякаго рода, которыя особенно сильны на низшихъ ступеняхъ развитія.

Такимъ образомъ, движеніе борьбы челоѡѡка съ природою далеко не правильно. Она то идетъ успѣшно, то подѡ влияніемъ какихъ либо причинъ пріостанавливается; и даже случается, что челоѡѡкъ опять падаетъ ниже, не въ силахъ будучи выдержать борьбу съ своимъ врагомъ — природою. Все это нужно имѣть въ виду, чтобы не думать, что все совершается такъ-же и на дѣлѣ, какъ это изображается въ книгѣ.

Если пишешь исторію челоѡѡческой культуры, то не зачѣмъ говорить о томъ, сколько неудачъ каждый разъ долженъ былъ терпѣть челоѡѡкъ, прежде чѣмъ научиться хотя бы горшки изъ глины лѣпить. На дѣлѣ, можетъ быть, не разъ приходилось изобрѣтать одно и тоже и бросать все изъ за какой нибудь ничтожной неудачи. Да и счастливое изобрѣтеніе могло гибнуть, потому что не находило себѣ послѣдователей. Словомъ, тысячи случайностей могли играть большую роль въ этомъ дѣлѣ, и можно съ увѣренностью сказать, что онѣ играли въ тѣ времена гораздо большую роль, чѣмъ теперь.

Итакъ, наша задача сводится къ тому, чтобы прослѣдить ходъ культурнаго развитія челоѡѡчества. Мы рассмотримъ первобытную культуру сначала съ матеріальной стороны, потомъ съ общественной и умственной, не отрывая одной стороны отъ другой, а рассматривая ихъ во взаимной связи.

Матеріальная обстановка жизни первобытнаго человѣка.

Человѣкъ сначала не имѣлъ ничего кромѣ того, что непосредственно давала ему природа. Ни одежды, ни пищи, ни жилища у него не было. Гдѣ же могъ жить человѣкъ при такихъ условіяхъ? Тамъ, гдѣ сама природа давала ему безъ труда и пищу, и жилище, и гдѣ не было нужды въ одеждѣ, стало быть въ теплыхъ странахъ. Еще и теперь въ Австраліи и Африкѣ есть много племенъ, не имѣющихъ никакой одежды. Конечно, если въ ней нѣтъ большой нужды, то долго не приходилось и заботиться о томъ, чтобы прикрыть чѣмъ нибудь свое тѣло, потому что и безъ того было много заботъ: и пищу добыть себѣ, и найти защиту противъ дикихъ звѣрей, которыхъ въ тѣхъ странахъ не мало.

Мѣсто жи-
тельства

Чтобы укрыться отъ нихъ въ случаѣ опасности, человѣку приходилось залѣзть на деревья. Иногда даже и спать нужно было пристроиться гдѣ нибудь на густыхъ вѣткахъ дерева, чтобы спастись отъ ночного нападенія звѣря. Такое же безопасное пристанище давали человѣку пещеры и ущелья, гдѣ только могъ онъ ихъ найти.

Но чѣмъ же питался этотъ первобытный человѣкъ? Трудно сказать опредѣленно, что именно составляло пищу его. Онъ бралъ, конечно, все, что только казалось ему пригоднымъ. Было ли то растеніе или животное, этого онъ не разбиралъ. Онъ ѣлъ плоды, орѣхи, корни различныхъ растеній, но не брезгалъ и насѣкомыми, личинками,

Пища

червями; онъ ѣлъ и лягушекъ, и устриць, если находилъ ихъ на берегу моря. До сихъ поръ у многихъ народовъ пауки, жуки и другія насѣкомыя считаются лакомымъ блюдомъ. Многіе находили очень вкусными полевыхъ кузнечиковъ и саранчу. Намъ кажется это противнымъ только оттого, что нѣтъ привычки; но, когда бываетъ голодь, то и у насъ случается, что люди ѣдятъ и крысь, и воронь, и разную другую „гадость“. А первобытному человѣку, конечно, нерѣдко приходилось голодать, да если къ тому еще прибавить, что онъ не зналъ ничего лучше этой „гадости“, то станетъ совершенно понятнымъ, что иначе ему даже и жить-то было невозможно: пришлось бы умереть съ голоду.

По всему видно, что первобытный человѣкъ не могъ довольствоваться одной растительной пищей. Организмъ его требовалъ по временамъ мяса. Это видно изъ того, что у людей, не ѣвшихъ долгое время ничего, кромѣ растительной пищи, является непреодолимое желаніе поѣсть мяса. Такъ, спутники одного путешественника по Африкѣ, питавшіеся нѣсколько мѣсяцевъ только хлѣбными сухарями, съ большою жадностью набросились на попавшихся обезьянъ и съ удовольствіемъ ѣли ихъ. Вообще неизвѣстно ни одного народа, который бы питался только растеніями. Очень вѣроятно, что и людоедство произошло по этой причинѣ. Первобытный человѣкъ могъ удовлетворять своей потребности въ мясной пищѣ ловлей мелкихъ животныхъ; изъ нихъ онъ высасывалъ кровь или съѣдалъ ихъ мясо сырымъ.

Понятно само собой, что питаясь такимъ образомъ, человѣкъ даже не могъ имѣть постоянного жилища. Ему нужно было бродить всюду, отыскивать необходимую пищу, и постоянное жилище могло только стѣснять его. Да у него и мысли не могло быть о постоянномъ жилищѣ, потому что оно могло появиться только тогда, когда уже появилось постоянное, опредѣленное пропитаніе, а его то тогда и не было.

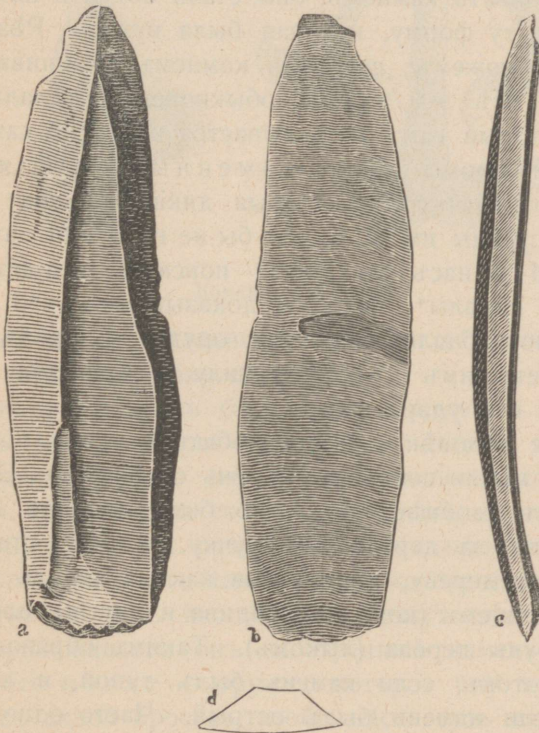
Конечно, первобытное добываніе пищи вело человѣка къ тому, что онъ началъ наблюдать природу. Онъ замѣчалъ, гдѣ чаще находилъ какія-нибудь полезныя растенія,

обращалъ вниманіе на то, на какихъ растеніяхъ водятся тѣ насѣкомыя, которыхъ онъ употреблялъ въ пищу; наконецъ, замѣчалъ, въ какое время онъ находилъ ту или другую пищу. Бродя съ одного мѣста на другое, онъ такимъ образомъ уже установилъ себѣ опредѣленный образъ жизни. Подходило время созрѣванія плодовъ, и онъ отправлялся въ ту мѣстность, гдѣ въ прежніе годы обыкновенно находилъ эту пищу. Такимъ образомъ, какъ перелетныя птицы, онъ постоянно мѣнялъ мѣсто своего жительства.

Добывая себѣ такимъ образомъ пищу, человѣкъ наталкивался постоянно на различныя препятствія. Плоды

Перво-
бытныя
орудія:

Рис. 1.

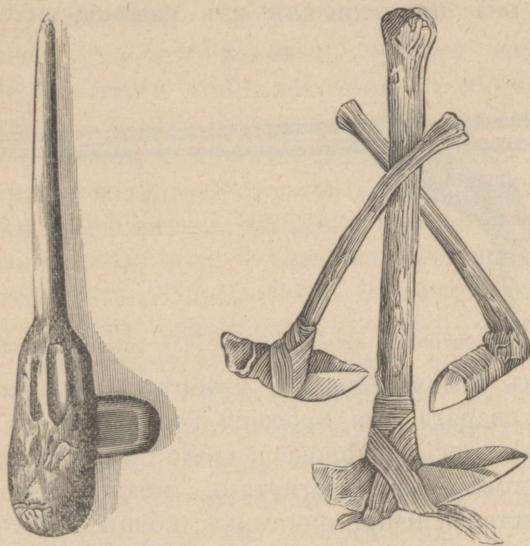
Каменные ножи.

всѣли иногда слишкомъ высоко, коренья съ трудомъ можно было выкопать руками изъ земли, орѣхи не всѣ удавалось разгрызть зубами. Приходилось обратиться къ помощи орудій, которыя можно было найти готовыми въ природѣ. Эти орудія были, конечно, палки и камни. Ими можно было и сбить высоко висящій плодъ; камнемъ можно было разбить крѣпкій орѣхъ; палкой съ острымъ концомъ можно было раскопать землю, чтобы достать вкусный корень. Практика вскорѣ показала, какой видъ должна имѣть палка, чтобы служить съ удобствомъ этой цѣли. Камень тоже подыскивался подходящей формы. И вотъ эти то первобытныя орудія люди начинаютъ теперь приспособлять къ различнымъ дѣйствіямъ, которыя приходилось ежедневно совершать. Замѣтивши, что камни можно разбивать камнемъ, они стали обивать ихъ и придавать имъ ту форму, которая была нужна. Рѣзали они каменнымъ ножомъ; сверлили камнемъ, оканчивающимся остриемъ. Всѣ эти орудія обыкновенно дѣлались изъ кремня, который самъ раскалывается на куски самой разнообразной формы. Такія каменныя орудія еще и теперь употребляютъ нѣкоторыя дикія племена; и нѣтъ ни одной страны въ мірѣ, гдѣ бы не находили каменныхъ орудій. И у насъ въ Россіи повсюду находятъ такія „громовыя стрѣлы“, которыя доказываютъ, что и наши предки употребляли каменныя орудія. Народъ теперь приписываетъ имъ цѣлебную силу и думаетъ, что они произошли отъ удара молніи.

Далѣе человѣкъ, желая добиться удара посильнѣе, напалъ на мысль соединить камень съ палкою. Это было еще и тѣмъ удобнѣе, что легко было держать въ рукѣ такое орудіе за деревянную ручку. Камень стали прилаживать къ дереву, привязывая какимъ-нибудь волокнистымъ растеніемъ (конопля, крапива и другія), или корою какого-нибудь дерева (лыкомъ). Такимъ образомъ получался молотокъ, если камень былъ тупой, и каменный топоръ, если камень былъ острый. Часто одно и тоже орудіе служило и топоромъ, и молоткомъ. Старались усовершенствовать и то орудіе, которымъ добывали изъ

земли кореня. Оно представляло изъ себя палку съ заостреннымъ изгибомъ на концѣ, которымъ можно было вскапывать землю. Теперь къ этому изгибу привязывали заостренный камень продолговатой формы. Онъ, конечно,

Рис. 2.

Каменные топоры.

исполнять свою обязанность лучше и держался дольше: не измочаливался, какъ дерево.

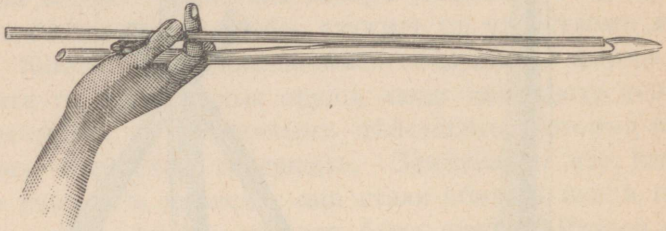
Теперь человѣкъ былъ уже вооруженъ и рѣшался вступить въ открытую борьбу со многими животными, съ которыми прежде ему не приходилось тягаться. Теперь онъ могъ убивать такихъ животныхъ, которыя прежде не давались ему въ руки. Онъ начинаетъ охотиться за ними и придумываетъ такія орудія, которыми можно было бы настичь ихъ на далекомъ разстояніи. Къ концу палки прилаживаетъ онъ заостренный камень, такъ что получилось копье — орудіе, которое ему нужно было только съ силой бросить, чтобы настичь животное.

Копье

Такъ какъ рука не всегда была достаточно сильна, то старанія человѣка направились къ тому, чтобы усилить

ударъ. Эта цѣль могла быть достигнута различными способами. Австралійцы, на примѣръ, придумали особенный снарядъ для бросанья, состоящій изъ палки съ зарубкой на концѣ, въ которую вкладывался конецъ копья; при бросаньѣ эта палка какъ бы подгоняла копье, усиливая этимъ ударъ. Для той же цѣли служила человѣку и веревка, которую онъ приготовлялъ изъ волокнистыхъ растений.

Рис. 3.

Австралійское приспособленіе для метанія копья.

Лукъ Но самымъ замѣчательнымъ изобрѣтеніемъ былъ лукъ. Это тоже снарядъ для бросанія копья, только копье это теперь сдѣлалось покороче и стало называться стрѣлою. Лукъ состоитъ изъ изогнутаго, гибкаго прута какого-нибудь растенія, напр. тростника; концы этого прута стянуты бечевкою, такъ что она нѣсколько натянута. Стрѣлу кладутъ тупымъ концомъ на бечевку (тетиву) и, держа одной рукой за середину прута, другою оттягиваютъ стрѣлу и тетиву; когда тетиву отпускаютъ, то пруть быстро разгибается и, растягивая тетиву, бросаетъ стрѣлу съ большою силою на далекое разстояніе.

Въ устройство этого оружія вложено много опыта и знанія, которыя первобытному человѣку могли даваться только съ большимъ трудомъ. Онъ долженъ былъ замѣтить свойство вѣтокъ дерева разгибаться снова, послѣ того какъ ихъ пригнешь къ землѣ; но этого мало: ему нужно было еще соединить все это въ одно оружіе, подобнаго которому въ природѣ онъ не находилъ. Здѣсь уже сказался человѣческой творческой умъ.

Каждая часть лука и стрѣлы свидѣтельствуютъ о долгомъ опытѣ человѣка, а соединеніе этихъ частей дока-

зываетъ, что онъ уже работаль своею мыслію надъ всѣми этими наблюденіями и сумѣлъ подмѣтити нѣкоторыя физическія свойства вещей: пользуясь ими, онъ и построилъ совершенно новое оружіе. Это оружіе оказалось такимъ удобнымъ, что уже не было надобности въ какомъ либо другомъ, и только огнестрѣльное оружіе могло вытѣснить лукъ изъ употребленія.

Конечно, лукъ уже довольно позднее изобрѣтеніе. Мы упомянули о немъ, чтобы покончить съ вопросомъ объ орудіяхъ этого рода. Вообще мы можемъ прослѣдить довольно точно исторію каждаго отдѣльнаго орудія древнихъ, но нѣтъ никакой возможности указать, какія орудія имѣлъ человѣкъ въ какую нибудь опредѣленную эпоху его жизни.

Приблизительно только возможно установить такую послѣдовательность. Обыкновенно бываетъ такъ, что во время употребленія какого-нибудь новаго изобрѣтенія, старое все еще держится, только кругъ его дѣйствія дѣлается нѣскольکو уже. Такимъ образомъ волей-неволей приходится говорить объ орудіяхъ, принадлежавшихъ различнымъ временамъ, чтобы только указать, какъ изъ одной формы даннаго орудія происходила новая, болѣе пригодная для какого-нибудь употребленія.

Питаясь различными частями растеній (кореньями, плодами, сѣменами, листьями и проч.), человѣкъ началъ наблюдать жизнь этихъ растеній. Такимъ образомъ онъ вскорѣ могъ легко замѣтити, что на мѣстѣ упавшихъ зеренъ выросло новое подобное растеніе. Много разъ могло происходить это само собою, а человѣкъ не догадывался нарочно оставлять зерна, чтобы потомъ опять собрать ихъ съ новаго растенія. Да и трудно было ему позаботиться объ этомъ. Во первыхъ и пища то его была не очень обильна, и онъ дорожилъ, конечно, всякимъ зерномъ. Да при томъ, блуждая по различнымъ мѣстамъ, онъ не могъ надѣяться, что самъ опять соберетъ зерна.

Но какимъ же образомъ человѣкъ началъ самъ бросать въ землю зерна, чтобы потомъ опять ихъ собрать? Легче всего ему было сдѣлать это съ такими растеніями, которыя давали очень много зеренъ, такъ что ему не

Культур-
ныя расте-
нія

жаль было разстаться съ какой-нибудь горстью сѣмянъ. Съ другой стороны это должно было быть какое-нибудь однолѣтнее растеніе, надъ которымъ не трудно было сдѣлать такое наблюденіе. Многолѣтнихъ растеній слишкомъ долго ждать, и наблюдать надъ ними можно только тогда, когда долго живешь на одномъ мѣстѣ.

Маисъ и
рисъ

Такихъ растеній оказалось нѣсколько. Въ Америкѣ разводили маисъ, или кукурузу, которая давала на одномъ стеблѣ нѣсколько шишекъ, покрытыхъ множествомъ крупныхъ зеренъ. Въ южной Азіи такимъ растеніемъ является рисъ, который при благоприятныхъ условіяхъ даетъ громадные урожаи.

По мѣрѣ того, какъ человѣкъ переходилъ изъ жаркаго пояса въ болѣе холодный, онъ уже не могъ воздѣлывать на новыхъ мѣстахъ тѣ же растенія, но за то находилъ новыя, къ которымъ пробовалъ приложить тотъ же опытъ. Онъ бросалъ новыя зерна въ землю, ожидая, что и они дадутъ плодъ. Ожиданія его вполне оправдывались и онъ разводилъ все большее и большее количество растеній. Однимъ изъ такихъ старыхъ растеній, распространенныхъ прежде повсюду, было просо.

Просо

У многихъ народовъ Африки и теперь разводятся различные виды этого растенія. Кромѣ того много есть доказательствъ, что и у прежнихъ европейцевъ просо служило главною пищею. И теперь еще поется въ старой русской пѣснѣ: „А мы просо сѣяли-сѣяли . . .“, между тѣмъ какъ уже сами поющіе эту пѣсню просо почти не сѣютъ или сѣютъ только небольшое количество. Затѣмъ обрабатывался ячмень, пшеница и рожь. Всѣ эти растенія, конечно, воздѣлывались только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они легко могли расти, какъ это происходитъ и до сихъ поръ.

Ячмень,
пшеница
и рожь

Вскорѣ человѣкъ замѣтилъ, что много лучше растутъ всѣ эти растенія, если землю нѣсколько разрыхлить и потомъ положить въ нее зерно. Замѣтить это было не трудно, выкапывая изъ земли коренья. На взрытой землѣ всѣ растенія росли лучше. Для разрыхленія земли человѣкъ сталъ примѣнять то самое орудіе, которымъ онъ выкапывалъ изъ земли коренья. Но новое примѣненіе этого ору-

дія повлекло и его измѣненіе. Рукоятку удлиняли смотря по надобности, увеличивали тоже и загнутый острый конецъ, если хотѣли взрыхлить землю на большую глубину.

Наконецъ, чѣмъ больше нужно было разводить растеній, тѣмъ труднѣе было выкапывать ямку для каждаго зерна и приходилось заразъ вести цѣлую борозду, въ которую уже клались зерна. Съ теченіемъ времени изъ этого орудія развилась соха,

Рис. 4.

Соха и
плугъ

Мотыка патагонцевъ.

которая сама измѣнялась смотря по мѣстности, и наконецъ оттуда же развился современный плугъ. Но соха и плугъ уже довольно позднія изобрѣтенія; для ихъ употребленія нужно было сначала приручить животныхъ и примѣнить ихъ къ воздѣльванію поля.

Воздѣльваніе растеній, разумѣется, предполагаетъ, что человѣкъ уже останавливался на одномъ мѣстѣ на болѣе или менѣе продолжительное время. Мы указывали на то, что, переходя изъ одной мѣстности въ другую въ поискахъ за пищею, человѣкъ замѣчалъ, въ какомъ мѣстѣ и когда онъ находитъ опредѣленную пищу. Такимъ образомъ опредѣлялись и границы для его кочевой жизни. Теперь онъ оставался довольно долго на одномъ мѣстѣ, по крайней мѣрѣ пока не созрѣвалъ хлѣбъ. Конечно, онъ могъ все-таки переходить съ одного мѣста на другое, если находилъ новое, болѣе удобное для себя. Въ иныхъ случаяхъ это было даже необходимо, если земля послѣ нѣсколькихъ посѣвовъ истощалась и не давала хорошаго урожая.

Мы говорили раньше о томъ, что человѣку необходима и растительная, и животная пища. Растительную онъ могъ достать почти безъ всякаго орудія, а животную онъ могъ достать только охотою, для которой нужны были различныя приспособленія. Конечно, такую животную пищу, какъ червей, насѣкомыхъ, онъ могъ доставать безъ хлопотъ; но здѣсь мы разумѣемъ теплокровныхъ животныхъ, млекопитающихъ и птицъ.

Охота и
земледѣ-
ліе

Охота была довольно хлопотлива и трудна, особенно пока не было еще усовершенствованнаго оружія, въ родѣ лука.

Понятно, что женщинѣ труднѣе было заниматься охотою, чѣмъ мужчинѣ. Женщина должна была носить и кормить дѣтей, которыя были бы большою помѣхою во время охоты. Такимъ образомъ женщинѣ приходилось добывать себѣ только растительную пищу, тогда какъ мужчина могъ легко добывать и ту, и другую. У нѣкоторыхъ дикихъ племенъ поэтому женщина не имѣетъ права ѣсть дичь. Но такъ какъ женщина больше мужчины добывала растительную пищу, и больше была знакома съ растеніями, то очень вѣроятно, что она и нашла на мысль бросать зерна въ землю, т. е. сѣять хлѣбъ. Это подтверждается тѣмъ, что у многихъ племенъ земледѣліе — женское дѣло.

Когда женщина нашла такимъ образомъ средство добывать съ меньшимъ трудомъ большее количество хлѣба, то мужчина сталъ пользоваться хлѣбомъ, добытымъ женщиною, но за то давалъ ей часть добычи своей охоты.

Такимъ образомъ обѣ стороны имѣли необходимую пищу, и мужчина могъ еще болѣе сосредоточиться на охотѣ; а добыча охоты — не постоянна: то много добудешь, то совсѣмъ ничего: тутъ-то и помогаль хлѣбъ, добытый женщиною. На охотѣ приходится бывать по долгу, и безъ растительной пищи пришлось бы ему голодать, потому что въ лѣсу не всегда найдешь ее. Теперь мужчина могъ брать съ собой на дорогу запасъ, и это облегчало ему охоту. Такимъ образомъ произошло раздѣленіе труда въ хозяйствѣ между мужчиною и женщиною.

Зерна растеній, которыя теперь стали составлять постоянную пищу человѣка, были часто покрыты твердою шелухой, какъ на примѣръ зерна овса. Другія были очень тверды, такъ что большого труда стоило ихъ разжевывать.

Для того, чтобы удалить шелуху и раздробить зерна, человѣкъ сталъ употреблять камни. Онъ либо толочь зерна камнемъ, либо клалъ ихъ между камнями и растиралъ. Это была первобытная мельница. Потомъ ее усовершенствовали тѣмъ, что верхній камень вращали такъ же, какъ

Ручная
мельница

теперь жернова, и получалась ручная мельница. Такая ручная мельница уже въ XII вѣкѣ до Рождества Христова была извѣстна грекамъ, а вѣроятно даже и раньше.

Приготовленная съ помощью такой мельницы мука служила пищею или одна, или смѣшивалась съ водою, такъ какъ была слишкомъ суха. Такая гуща иногда приправлялась чѣмъ нибудь сладкимъ, напримѣръ сокомъ сахарнаго тростника. Не хватало только огня, чтобы научиться печь хлѣбъ.

Растирая зерна между камнями, легко можно было замѣтить, что сами камни при этомъ стираются. Отсюда не трудно было догадаться, что камнемъ можно сглаживать неровности другого камня и такимъ образомъ полировать его.

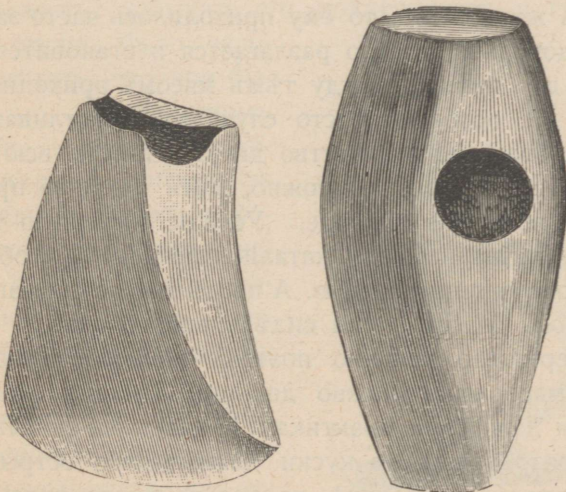
Теперь начинаютъ сглаживать шероховатости прежнихъ каменныхъ орудій и даже научились просверливать въ нихъ отверстія для рукоятки при помощи остраго камня. Такихъ просверленныхъ и полированныхъ каменныхъ орудій много находятъ повсюду.

По каменнымъ орудіямъ то время, когда они употреблялись, называютъ „каменнымъ вѣкомъ“ и даже

Полиро-
ванные
каменные
орудія

Каменный

Рис. 5.

Полированные каменные топоры.

дѣлятъ этотъ вѣкъ на двѣ части: вѣкъ грубо оббитаго камня и вѣкъ полированнаго камня. При этомъ обыкновенно разумѣютъ доисторическія времена нашихъ предковъ. Но, конечно, все это вовсе не опредѣляетъ времени, когда былъ этотъ „каменный вѣкъ“.

бронзо-
вый и же-
лѣзный
вѣкъ

Да и потомъ, когда уже познакомились съ употребленіемъ металловъ, когда наступилъ стало быть „бронзовый“, а потомъ и „железный“ вѣкъ, каменный вѣкъ продолжалъ свое существованіе. По крайней мѣрѣ и каменные и бронзовые орудія часто находятъ вмѣстѣ.

Такое дѣленіе на вѣка говоритъ только о томъ, что сначала нѣкоторыя орудія были каменные, а потомъ металлическія. Точно также дѣленіе каменнаго вѣка на двѣ части: вѣкъ оббитаго и полированнаго камня, показываетъ только, что сначала научились камни оббивать, а потомъ уже и полировать.

Однимъ словомъ, никакихъ такихъ вѣковъ на дѣлѣ не было, или вѣрнѣе, всѣ они переплетались. Вѣдь и до сихъ поръ существуютъ каменные орудія, напримѣръ, жернова, ступки, и т. под.; стало быть, каменный вѣкъ продолжается и до сихъ поръ.

Способы
сохраненія
мяса

Когда человѣкъ сталъ употреблять въ пищу мясо крупныхъ животныхъ, то ему приходилось часто замѣчать, что оно довольно быстро разлагается и становится непригоднымъ для пищи. Между тѣмъ мясомъ приходилось дорожить. Не особенно часто случалась счастливая охота, дававшая большое количество дичи. Съѣсть всю добычу сразу не всегда было возможно, хотя дикіе и прилагали къ этому все свое стараніе. Усердіе ихъ было такъ велико, что, наѣвшись, они катались по землѣ, чтобы какъ-нибудь помочь пищеваренію. А послѣ такого сытнаго обѣда приходилось долгое время сидѣть впроголодь.

Совершенно понятно поэтому желаніе человѣка сохранить мясо какъ можно дольше. Выходъ изъ такого положенія дала сама практика. Когда мясо добытаго животнаго разрѣзалось на куски какимъ-либо острымъ орудіемъ и лежало на солнцѣ, то оно начинало подсыхать — вялиться. Замѣтитъ это было тѣмъ легче, что жилъ че-

ловѣкъ тогда въ такихъ странахъ, гдѣ солнечный жаръ гораздо сильнѣе нашего, а стало быть и вялится мясо скорѣе.

Такое вяленое мясо кромѣ того, что долго держалось, еще и переваривалось гораздо легче, такъ что для чело-вѣка въ этомъ открытіи соединились двѣ выгоды.

Кромѣ того вяленое мясо, разрѣзанное на кусочки, удобно было брать съ собою на охоту.

Этотъ способъ приготовленія мяса существуетъ и до сихъ поръ: такъ готовятъ свиные окорока (провѣсная ветчина). А въ прежнее время вяленое мясо было еще распространеннѣе: кочевники южно-русскихъ степей, какъ рассказываютъ, ѣли такое мясо и держали его въ пути подъ сѣдломъ.

Далѣе чело-вѣкъ сдѣлалъ такое открытіе, которому суждено было играть выдающуюся роль въ его жизни. Но самъ онъ не подозрѣвалъ важности своего открытія и сдѣлалъ его совершенно случайно. Это былъ огонь. Конечно, чело-вѣкъ могъ знать о существованіи огня, потому что въ природѣ онъ могъ видѣть, какъ иногда молнія зажигаетъ деревья; но такой огонь пугалъ его.

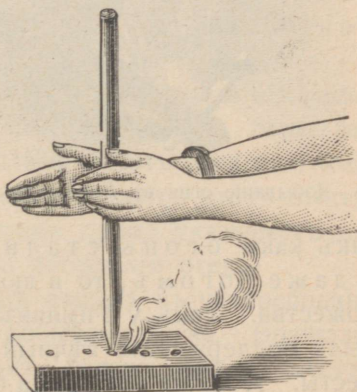
Во всякомъ случаѣ огонь не можетъ считаться открытіемъ чело-вѣка до тѣхъ поръ, пока чело-вѣкъ не научился имъ управлять: добывать его, поддерживать и тушить.

Не трудно было чело-вѣку замѣтить, что при быстромъ и непрерывномъ сверленіи дерево нагревается и даже загорается. Происшедшій такимъ образомъ огонь не пугалъ чело-вѣка: онъ зналъ его происхожденія и могъ производить его по своему желанію.

Способъ добыванія огня у теперешнихъ дикихъ народовъ показываетъ, что открытіе это сдѣлано было

Открытіе
огня

Рис. 6.

Добыва-
ніе огня

Буравъ для добыванія огня.

при сверленіи. Обыкновенно употребляется для добыванія огня буравъ особеннаго устройства. Онъ состоитъ изъ деревяннаго бруска съ отверстіемъ, въ которое вставляется вращающійся стержень. Этотъ стержень нужно быстро вращать, и тогда черезъ нѣсколько минутъ появляется искра, которую берутъ на легко воспламеняющійся трутъ или сухую траву, и потомъ раздувають огонь. Сначала стержень этотъ вращали между ладонями, а потомъ стали для вращенія употреблять различныя приспособленія. Обвертывали, напримѣръ, этотъ стержень веревкой и вращали его, таща то тотъ, то другой конецъ веревки.

Понятно, что смотря по климату, огонь добывать было то труднѣе, то легче. Если климатъ былъ холодный и сырой, то сверлить нужно было дольше и сильнѣе. Въ такихъ мѣстностяхъ открыть огонь было почти невозможно.

Стало быть и тутъ мы приходимъ къ тому, что открыть былъ огонь въ жаркихъ странахъ.

Рис. 7.

Добываніе огня въ Австраліи.

Когда онъ былъ открытъ, то уже не трудно было ему распространиться и среди сосѣднихъ народовъ. Они просто могли доставать огонь, не добывая его треніемъ, такъ какъ это было не легко.

Разъ добытый огонь уже старались всячески поддерживать. У многихъ народовъ поэтому появился цѣлый разрядъ людей, на обязанности которыхъ лежало поддержаніе огня: а

такъ какъ огонь стали считать даромъ бога, и даже богомъ, то и людей этихъ считали служителями божества. Такъ у Римлянъ, напримѣръ, весталки должны были поддерживать вѣчный огонь на жертвенникѣ богини Весты. А Веста сама была богиня домашняго очага. Стало быть, первоначально обязанность весталокъ была — под-

Поддержаніе огня

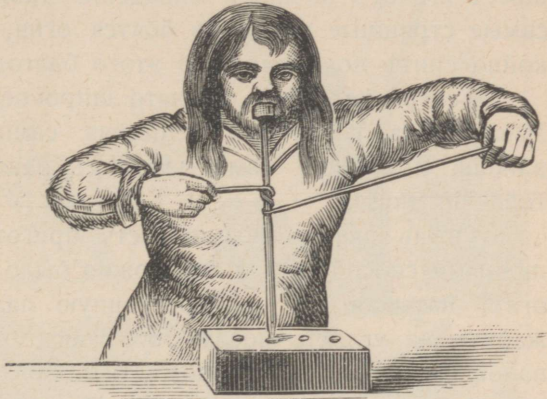
держивать огонь на очагѣ. Отъ такого очага и брали потомъ огонь, смотря по надобности.

Въ русскихъ сказкахъ часто говорится о томъ, какъ бѣднякъ ходитъ у богача просить жару, то есть раскаленныхъ углей, которые можно было бы вздуть и получить огонь.

Добываніе

Рис. 8.

огня въ болѣе холодныхъ странахъ было довольно трудно для одного человѣка. Нужно было крѣпко держать стержень, чтобы поддерживалось сильное треніе, да и вращать его приходилось такъ долго, что иногда смѣнялось нѣсколько человѣкъ, пока не появится огонь.

Буравъ съ ремнемъ для добыванія огня.

Такимъ образомъ добываніе огня требовало содѣйствія многихъ людей, было дѣломъ общественнымъ, а такъ какъ огонь считался священнымъ, то добываніе его сдѣлалось обрядомъ религіозно-общественнымъ.

Воспоминаніе объ этомъ обрядѣ сохранилось и у насъ. Въ иныхъ мѣстахъ, на масляницѣ зажигаютъ огни, на длинный шестъ насаживаютъ колесо, возятъ сани съ этимъ шестомъ по деревнѣ, а вечеромъ сжигаютъ этотъ шестъ вмѣстѣ съ колесомъ. Шестъ этомъ прямо указываетъ на стержень, который вращали при добываніи огня.

У многихъ народовъ вскорѣ вошелъ въ употребленіе немного измѣненный способъ добыванія огня. Вращали не шестъ, а деревянный кружокъ, насаженный на шестъ. Колесо прямо указываетъ на то, что у нашихъ предковъ огонь добывался именно такимъ образомъ.

Невозможно перечислить всѣ услуги, которыя оказывалъ человѣку открытый огонь. Въ холодную ночь можно было погрѣться у разведеннаго костра. Это свойство огня дало человѣку возможность переселяться въ такія холодныя страны, гдѣ безъ огня онъ не могъ бы существовать.

Кромѣ того, человѣкъ замѣтилъ, что огонь защищаетъ его отъ ночныхъ нападений дикихъ звѣрей: даже самые страшные изъ нихъ боятся огня, и человѣкъ спокойно спитъ подъ охраною этого благодѣтельнаго бога.

Теперь человѣку открыто широкое поле: огонь оказываетъ на различныя вещества самыя разнообразныя вліянія, и первое, чѣмъ человѣкъ занялся, было приготовленіе пищи.

Приготовленіе
пищи

Огонь давалъ возможность готовить пищу различными способами. Мясо можно было жарить на самомъ огнѣ, натыкая его на заостренную палку; можно было жарить на угляхъ, послѣ того какъ огонь уже потухъ; наконецъ можно было помѣстить мясо надъ горящимъ огнемъ такъ, что только горячій дымъ дѣйствовалъ на него. Въ такомъ случаѣ, мы получаемъ копченое мясо, которое мы употребляемъ еще и теперь. Все это, очевидно, очень давнія изобрѣтенія.

Печи

Вскорѣ человѣкъ выучился устраивать особенныя приспособленія для жаренья мяса, первобытныя печи. Это были просто каменные плиты, иногда съ углубленіемъ, на которыхъ разводился огонь. Когда плита раскалялась и огонь потухалъ, то угли сгребали и на раскаленномъ камнѣ жарили куски мяса. И теперь въ русскихъ печахъ пекутъ просто на раскаленномъ камнѣ, стало быть, способъ тотъ же, только перенесенъ съ улицы внутрь избы.

Такъ приготовлялось мясо. Такимъ же образомъ человѣкъ сталъ печь плоды, корни, сталъ поджаривать зерна, что придавало имъ особенный вкусъ. Мы уже видѣли раньше, что сырую муку смѣшивали съ водою и ѣли приготовленную такимъ образомъ гущу или тѣсто. Теперь стали поджаривать это тѣсто и такимъ образомъ научились печь хлѣбъ.

Кипяченіе
воды

Съ дѣйствіемъ огня на воду человѣкъ познакомился

довольно поздно. Теперь есть нѣкоторыя племена, знакомыя съ огнемъ, но незнающія кипяченія воды. И дѣйствительно, для этого нужно было человѣку изобрѣсти глиняную посуду, въ которой можно было бы кипятить воду.

Рис. 9.

Печь въ Полинезiи (Тонга).

Онъ, конечно, могъ замѣчать, что вода, попадая на раскаленный камень, шипитъ и обращается въ паръ; но этого еще очень мало. Это открытiе повело только къ тому, что, замѣтивши прiятную теплоту пара, стали нарочно лить воду на раскаленный камень, чтобы попариться.

Отсюда ведутъ свое начало и наши русскiя бани. И теперь устраивается въ печкѣ особое отдѣленiе, въ которомъ лежатъ горячiе камни и, когда хотятъ „поддать пару“, то обливаютъ эти камни водою, отчего вся баня наполняется паромъ.

Когда была изобрѣтена глиняная посуда, то и тутъ не сразу научились кипятить воду такъ, какъ это дѣлается теперь; а сначала для согрѣванiя воды клали раскаленные камни въ воду. Такъ согрѣваютъ воду и до сихъ поръ въ томъ случаѣ, когда нѣтъ достаточныхъ приспособленiй

для обычного способа кипяченія воды, или если воду нужно согрѣть въ деревянной посудѣ.

Съ открытіемъ огня человѣкъ сдѣлался значительно независимѣе отъ природы.

Рис. 10.

Жилища австралийцевъ.

Теперь ему уже можно было подь покровительствомъ этого благодѣтельнаго божества отважиться на путешествіе въ болѣе холодныя страны. Огонь замѣнялъ ему солнечное тепло. Тѣмъ болѣе сталъ человѣкъ дорожить огнемъ.

Нужно было защищать его отъ дождя и вѣтра, и вотъ человѣкъ начинаетъ придумывать различные способы защиты. Первымъ дѣломъ онъ огораживаетъ огонь отъ вѣтра прутьями съ густою листвою. Сначала онъ ставитъ прутья, втыкая ихъ въ землю, только со стороны вѣтра; но потомъ, чтобы измѣнившійся вѣтеръ не повредилъ огню, защищаетъ его такимъ же образомъ со всѣхъ сторонъ, оставляя только проходъ для себя.

Такимъ образомъ зародилось жилище. Оно первоначально было скорѣе жилищемъ огня, а не человѣка. Сверху оставалось, конечно, отверстіе для прохода дыма. Такъ, въ концѣ концовъ, сложилась постройка въ родѣ нашей „курной избы“. Отсюда дальше развивается домъ съ необходимою своей принадлежностью, очагомъ.

Происхо-
женіе
жилища.

Можетъ показаться страннымъ, отчего человѣкъ старался устроить домъ сначала для огня, а потомъ уже для себя. Но это совершенно понятно, потому что сначала человѣкъ не нуждался ни въ какомъ жилищѣ и, если находилъ иногда убѣжище отъ дождя подь вѣтками дерева, то этого еще нельзя назвать настоящимъ жилищемъ.

Однимъ словомъ, жилище появляется только тогда, когда человѣкъ проникаетъ въ болѣе холодныя страны.

Между тѣмъ огонь, необходимый и въ теплыхъ земляхъ, естественно заставлялъ подумать о томъ, какъ его сохранять. Впрочемъ и въ теплыхъ странахъ человѣкъ довольно рано сталъ строить себѣ изъ вѣтвей нѣчто въ родѣ дома. Но домъ этотъ, или вѣрнѣе шалашъ, быть не долговѣченъ, и люди мѣняли его на новый довольно легко. Словомъ, и этотъ домъ далеко не то, что мы теперь разумѣемъ подь этимъ именемъ.

Мы уже говорили, что человѣкъ укрывался отъ непогоды и холода не только въ постройкахъ изъ дерева, но могъ прятаться и въ пещерахъ, которыя сама природа давала ему готовыми. При раскопкахъ въ такихъ пеще-

рахъ находятъ несомнѣнные признаки присутствія чело-
вѣка: его кости и рядомъ утварь.

Конечно, природныхъ, естественныхъ пещеръ было довольно мало, и чело-вѣку приходилось позаботиться о томъ, чтобы при помощи своихъ орудій выкопать такую же искусственную пещеру. При этомъ чело-вѣкъ, конечно, сталъ эту пещеру приспособлять для своего удобства болѣе чѣмъ это было возможно въ естественной пещерѣ.

Такія земляныя жилища существуютъ у многихъ народовъ, живущихъ на холодномъ сѣверѣ, напримѣръ у эскимосовъ. Они выкапываютъ себѣ такое жилище на зиму, а лѣтомъ живутъ въ болѣе прохладныхъ палаткахъ.

Рис. 11.

Хижина жителей Огненной земли.

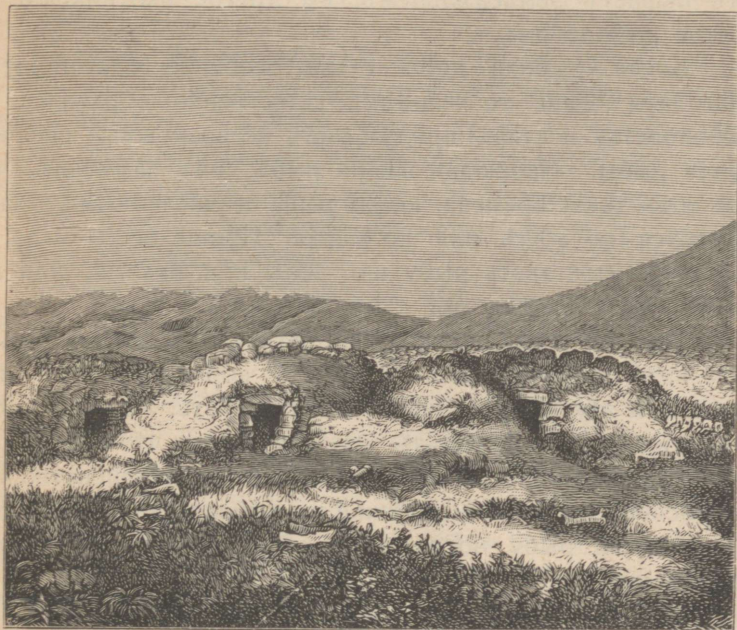
Рыбная пища.

Огонь имѣлъ еще очень важное значеніе и въ дру-
гомъ отношеніи. Онъ далъ чело-вѣку возможность упо-
треблять въ пищу рыбу. Конечно, и до открытія огня
чело-вѣкъ уже зналъ эту пищу. Онъ ѣлъ рыбу либо
прямо сырую, либо такъ-же, какъ и мясо, вяленую на солнцѣ.
Но рыба въ этомъ отношеніи поддавалась вяленію гораздо
труднѣе. Она вялилась слишкомъ долго, и все-таки часто
этотъ трудъ оказывался почти безплоднымъ, такъ какъ
рыба оказывалась и тверда, и не вкусна. Не было еще

ни огня, ни соли, а безъ этого рыба не особенно пріятная пища.

Съ открытіемъ огня, человѣкъ научился поджаривать и рыбу, и тогда могъ селиться по берегамъ рѣкъ, въ которыхъ онѣ водились въ достаточномъ количествѣ.

Рис. 12.

Разрушившіяся жилища эскимосовъ.

Такимъ образомъ, огонь защищалъ людей отъ холода, а рѣки позволяли имъ подвигаться дальше, въ болѣе холодныя мѣста, и давали имъ пищу, которую приготавлилялъ все тотъ же благодѣтельный огонь. Конечно, не рѣки однѣ указывали путь человѣку въ болѣе холодныя страны.

Не надо думать, что народы, живущіе рыболовствомъ, ѣдятъ только рыбу, охотническіе народы ѣдятъ дичь, а земледѣльческіе хлѣбъ. Обыкновенно бываетъ такъ, что народъ занимается всѣмъ этимъ вмѣстѣ, и, если ихъ называютъ рыболовами, охотниками, земледѣльцами, то это показываетъ только, что у нихъ преобладаетъ какое-ни-

будь одно занятіе. Всегда это легко объясняется тѣмъ, что мѣстность, гдѣ они живутъ, особенно благопріятна для одного какого-нибудь занятія. Но если мѣстность была благопріятна для многихъ занятій, то народъ занимался всѣмъ вмѣстѣ, и трудно его было бы причислить къ той или другой группѣ народовъ. Въ одно время года онъ бываетъ земледѣльцемъ, въ другое охотникомъ, въ третье рыболовомъ.

Ловля рыбы.

Когда рыбная пища стала особенно благопріятна, благодаря огню, то человѣкъ естественно обратился къ рыболовству и сталъ придумывать всевозможные способы ловли рыбы. Наблюдая жизнь рыбъ, онъ замѣтилъ, что бываютъ такія времена, когда рыба безчисленными стаями движется по рѣкѣ или по морю. Проще всего было въ это время доставать рыбу изъ воды или руками, или какимъ-нибудь снарядомъ.

Прежде всего человѣкъ обратился къ растеніямъ и изъ ихъ прутьевъ сталъ сплетать корзины, чтобы ими доставать эту рыбу. Очень можетъ быть, что и раньше онъ уже умѣлъ сплетать изъ прутьевъ что-нибудь въ родѣ корзины, но теперь онъ началъ усовершенствовать и приспособлять свое плетенье къ рыболовству. И теперь еще ловятъ рыбу норотами — особаго рода плетеными корзинами.

Познакомившись съ волокнистыми растеніями и научившись дѣлать изъ нихъ веревки, человѣкъ вскорѣ сталъ плести изъ нихъ сѣти, сначала довольно безхитростныя, а потомъ все искуснѣе и искуснѣе. Самыя разнообразныя рыболовныя сѣти, которыя извѣстны еще и теперь, изобрѣтены человѣкомъ въ глубокой древности. Были и другіе, очень простые способы ловить рыбу. Иногда рѣку перегораживали заколами и выбирали скопившуюся рыбу тѣмъ или другимъ способомъ. Иногда отравляли воду какимъ нибудь дѣйствующимъ на рыбъ ядомъ и потомъ вылавливали всплывающую на поверхность воды рыбу.

Но если рыба была большая, и обыкновенныя сѣти оказывались непригодными, то человѣкъ употреблялъ тѣ же орудія, что при охотѣ на звѣрей. Онъ бросалъ въ

рыбу копье, которое привязывалъ на веревку, чтобы можно было его снова достать. Такое копье называется гарпуномъ. Его употребляютъ обыкновенно въ морѣ, а если приходится ловить рыбу на рѣкѣ, то веревка оказывается не нужна. Стоитъ только удлинить древко копья, и получится острога, которою убиваютъ и достаютъ рыбу изъ воды, обыкновенно ночью, освѣщая огнемъ дно рѣки.

Но какъ ни первобытны эти орудія, однако такой способъ ловли рыбы могъ существовать сравнительно довольно поздно. Человѣку нужно было до этого найти способъ передвигаться по поверхности воды, чтобы имѣть возможность преслѣдовать рыбу. Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ, нужно еще рассказать, къ чему привело человѣка плетенье корзинъ.

Вскорѣ человѣкъ замѣтилъ, что глина имѣетъ свойство не пропускать воды. Замѣтить это могъ онъ случайно; напримѣръ, поставивши корзину на глинистую землю, онъ долженъ былъ замѣтить, что прилипшая глина не пропускаетъ воды. Это могло подать ему мысль обмазывать корзину глиной. Глина застывала и такимъ образомъ получалась посуда, не пропускающая воды.

Глиняная
посуда

Послѣ того человѣкъ попробовалъ кипятить воду въ этомъ сосудѣ. Деревянные части, конечно, сгорали при этомъ, и оказывалось, что глиняная посуда все-таки не разваливается, и даже напротивъ пріобрѣтаетъ еще большую крѣпость и уже не распускается снова подъ влияніемъ воды.

Тогда стали уже нарочно дѣлать корзины, обмазывать ихъ внутри глиной и потомъ сжигали на огнѣ эту плетеную форму. Получалась глиняная посуда съ отпечаткомъ плетения сгорѣвшей корзины. Такія глиняныя вазы находятъ тоже при раскопкахъ.

Потомъ человѣкъ пробуетъ лѣпить изъ одной глины, и такимъ образомъ появляется гончарное искусство. Гончарный кругъ былъ извѣстенъ еще въ глубокой древности, но его изобрѣтеніе возможно было только тогда, когда работа эта сдѣлалась специальностью особыхъ ма-

стеровъ, приготовлявшихъ сразу большое количество посуды. Стало быть гончарный кругъ уже сравнительно позднее открытіе, а первоначально горшки лѣпили руками.

Прируче-
ніе жи-
вотныхъ

Рис. 13.

Собака

Глиняная ваза съ отпечаткомъ плетенія.

Теперь поведемъ мы рѣчь о прирученіи животныхъ, которое имѣло и до сихъ поръ имѣетъ важное значеніе для жизни человѣка.

Нѣкоторыя животныя съ древнѣйшихъ временъ сопровождаютъ человѣка. Иногда ихъ нельзя даже назвать ручными, потому что они боятся человѣка. Но живутъ они вмѣстѣ съ человѣкомъ потому, что около него находятъ нужную для нихъ пищу. Они питаются обыкновенно тѣмъ же, чѣмъ и человѣкъ, или ненужными отбросами его пищи. Первое мѣсто между такими животными занимаетъ, конечно, собака. Она не особенно взыскательна въ пищу, довольствуется почти голыми костями съѣденныхъ животныхъ и очень любитъ человѣческой пометъ. Очень можетъ быть, что именно это-то обстоятельство и заставило ее слѣдовать за человѣкомъ. Постоянная близость къ человѣку уже сама приручала собаку безъ всякаго старанія со стороны людей. Тѣмъ легче было ее приручить: стоило только бросить ей какой-нибудь ненужный кусокъ пищи или голую кость, и собака уже дѣлалась почти вполне ручною, ласковою и преданною своему хозяину, т. е. тому, кто бросилъ ей первую кость.

И человѣкъ старался извлечь пользу изъ этого животнаго. Первое, что пришло ему въ голову, это мысль о томъ, нельзя-ли и собаку, какъ и другихъ животныхъ, ѣсть. Оказалось, что эта мысль легко выполнима, и стали

тогда откармливать собакъ, т. е. кормить ихъ тѣми же ненужными отбросами своей пищи, но уже съ цѣлію употреблять въ пищу этихъ собакъ. Конечно, чѣмъ больше ихъ разводилось, тѣмъ болѣе была обезпечена жизнь человѣка, и потому онъ старался разводить собакъ.

Замѣтивъ, что собака сама отчасти живетъ подобно человѣку охотой на птицъ и животныхъ, человѣкъ, естественно взявъ ее себѣ въ союзницы и сталъ приучать къ охотѣ, но отнималъ, конечно, добытую ею дичь, давая ей только небольшую долю. Онъ сталъ приучать ее не только къ охотѣ на мелкую дичь, но и на звѣрей, которые и собаку приводили въ трепеть. Онъ соединялъ собакъ въ стаи и натравлялъ на слѣды дикихъ звѣрей, естественныхъ враговъ и собаки, и человѣка. Нѣтъ возможности перечислить всю пользу, которую человѣкъ сумѣлъ извлечь изъ собаки. Да и въ этомъ надобности нѣтъ, потому что это всякому извѣстно.

Подобно собакѣ и свинья не отличается особенной разборчивостью въ пищѣ. Это животное, оказалось, гораздо лучше собаки умѣло отъѣдаться и копить жиръ, но за то кромѣ этого не выказывало никакихъ способностей. И до сихъ поръ свинья выполняетъ человѣку только эту службу, но за то выполняютъ лучше другихъ животныхъ.

Свинья

Но если прирученіе собаки и свиньи оказывалось довольно легкимъ, то какъ же могъ человѣкъ приручить другихъ животныхъ, болѣе разборчивыхъ въ пищѣ и питающихся совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ человѣкъ?

Способовъ къ прирученію животныхъ было очень много. Во-первыхъ, человѣкъ, охотясь за ними, часто нападалъ на гнѣздо или логовище и находилъ тамъ безпомощныхъ птенцовъ и дѣтенышей, которыхъ легко было взять живыми. Отсюда не далеко было до мысли выкормить этихъ дѣтенышей дома, чтобы они выросли и сослужили тогда ту же службу, что ихъ неприрученные родители. Отсюда не далеко было до разведенія дома этихъ животныхъ. Что такимъ образомъ животныхъ можно было приручить, показываютъ многочисленные случаи, когда животное, взятое еще дѣтенышемъ въ домъ, приручается

настолько, что его не приходится даже запирасть или привязывать. Но, конечно, не всѣ животныя оказывались способными къ прирученію.

Нѣкоторыя изъ нихъ по своему образу жизни никакъ не могли быть приручены. Таковы, на примѣръ, хищники, которые требуютъ непремѣнно мясной пищи и потому могутъ жить съ человѣкомъ только при особенныхъ условіяхъ, при особомъ уходѣ за ними, да и то обыкновенно они плохо разводятся. Но само собою разумѣется, такихъ животныхъ человѣкъ могъ разводить только развѣ для забавы, потому что, при большой трудности ухода за ними, они не давали ему почти никакой выгоды, а могли только вредъ принести, поѣдая другихъ домашнихъ животныхъ.

Кошка

Изъ этихъ хищниковъ только одинъ приручился, но за то онъ оказался пригоднымъ для истребленія вредныхъ животныхъ, сопровождающихъ человѣка. Это была кошка. Но приручилъ ее собственно не самъ человѣкъ, а мыши. Кошка привыкла къ присутствію человѣка, который вскорѣ понялъ, что она ему пользу приноситъ, и потому благосклонно къ ней относился, хотя и не кормилъ ее. Это ему было лучше во всѣхъ отношеніяхъ: голодная кошка лучше ловила мышей, и ему было спокойнѣе. Правда, она любила тоже полакомиться чѣмънибудь изъ хозяйства человѣка; но это не всегда ей удавалось, и всегда влекло за собою нѣкоторыя непріятности для нея.

Нужно помнить однако, что всѣ эти прирученныя или приручившіяся животныя не были еще домашними, по той простой причинѣ, что первоначально человѣкъ самъ не жилъ еще въ опредѣленномъ мѣстѣ; они стало быть переходили съ мѣста на мѣсто, вмѣстѣ съ человѣкомъ. Кошка могла появиться у человѣка только тогда, когда онъ уже началъ заниматься воздѣлываніемъ растеній, потому что только тогда дѣлаются постоянными спутниками человѣка и полевые мыши, пища кошки. Потомъ уже эти полевые мыши переселяются и въ домъ человѣка, и съ ними вмѣстѣ и кошка становится домашнимъ животнымъ.

Когда человѣкъ нашелъ способъ готовить веревку изъ волокнистыхъ растеній, то у него въ рукахъ оказалось

такое орудіе, которымъ онъ могъ ловить нѣкоторыхъ животныхъ живыми. Есть много способовъ такой ловли: изъ веревки дѣлается петля и бросается въ догонку за животнымъ, при чемъ одинъ конецъ веревки остается въ рукахъ. Петля затягиваетъ шею животного, и человѣкъ завладѣваетъ имъ. У американцевъ краснокожихъ существуетъ другой способъ: на концы веревокъ навязываются какіе-нибудь тяжелые предметы, напримѣръ камни, и веревка бросается въ догонку такъ, чтобы, ударивши по ногамъ или шеѣ животного, опутать ихъ. Животное падаетъ, и человѣкъ распоряжается имъ, какъ хочетъ. Такимъ образомъ американцы ловятъ лошадей, которыхъ потомъ приручаютъ.

Прежде всего человѣкъ приручилъ овецъ и козъ, которыя разводились сначала для мяса, а потомъ и для молока. Мы знаемъ достоверно, что въ древней Греціи, напримѣръ, козъ и овецъ доили, какъ коровъ. Уже много времени спустя нашелъ человѣкъ возможность пользоваться овечьей шерстью для приготовленія различныхъ тканей, но для этого нужно ему было уже умѣть обрабатывать волокнистыя растенія и готовить изъ нихъ ткани.

Далѣе прирученіе животныхъ шло различными путями въ различныхъ мѣстахъ. Такъ, въ однихъ мѣстахъ разводили верблюдовъ, въ другихъ лошадей, въ третьихъ коровъ, оленей и т. д. Самой большой распространенностью пользуется, конечно, разведеніе лошадей и коровъ. Эти животныя распространены почти повсюду и представляютъ многое множество различныхъ породъ. Говорить о значеніи ихъ не стоитъ, потому что это всѣмъ хорошо извѣстно.

Всѣ эти животныя стали теперь уже домашними. Человѣкъ даже и имъ построилъ жилище для зимовки или для ночевки.

Но не нужно забывать того, что человѣкъ началъ ихъ приручать еще въ тѣ времена, когда у него самого не было постоянного жилища. Какъ же возможно ему было тогда приручить животное? Первое, чего онъ достигъ, было, конечно, то, что онъ сумѣлъ оградить необходимое

Овцы и
козы

Лошади,
коровы,
верблюды,
олени
и т. д.

для его жизни животное своими заботами. Онъ видѣлъ, что животныя живутъ стадами, переходя съ одного мѣста на другое. Сначала ему приходилось охотиться на нихъ,

Патагонцы на охотѣ: одинъ ловить гуанако, другой убиваетъ пуму (кугуара).

но эта охота оказалась не совсѣмъ удобною. Животныя пугались и убѣгали въ такую даль, что человѣку трудно было ихъ снова разыскать, а запасъ дичи или портился и пропадалъ даромъ, или оказывался недостаточнымъ и его не хватало до новой добычи. Тутъ мало-по-мало человѣкъ пришелъ къ мысли жить съ этими стадами въ большей дружбѣ и только по мѣрѣ надобности убивать изъ стада то или другое животное. Конечно, чтобы доказать свое доброе отношеніе къ этимъ животнымъ, онъ долженъ былъ дать почувствовать имъ свою заботу о нихъ.

И вотъ человѣкъ начинаетъ пасти стада. Онъ впервые не нападаетъ на нихъ, а защищаетъ отъ нападенія дикихъ звѣрей. Перегоняетъ стада на такія мѣста, гдѣ для нихъ оказывается больше корму. И само животное начинаетъ цѣнить заботу человѣка: ему живется лучше и оно чувствуетъ, что человѣкъ его другъ.

Но, когда человѣкъ сталъ заниматься пастушествомъ, то его образъ жизни долженъ былъ перемѣниться. Онъ искалъ теперь пищи уже не для себя, а для животныхъ, которыя составляли его главное пропитаніе. Онъ долженъ былъ кочевать, постоянно переходить съ одного мѣста на другое. Каждое время года заставляло его передвигаться въ ту или другую мѣстность, гдѣ онъ могъ найти нужную пищу скоту.

Понятно, что при такой жизни не можетъ быть и рѣчи о хлѣбопашествѣ, объ обработкѣ земли, которую человѣку постоянно приходится бросать.

Но и при этомъ человѣку приходится однако задуматься надъ тѣмъ, какъ улучшить жизнь своихъ животныхъ зимою. Зима — голодное время. Животному приходится голодать, и въ мѣстахъ, гдѣ выпадаетъ снѣгъ, доставать изъ подъ снѣга замерзшую траву. И вотъ человѣкъ сталъ дѣлать запасы этой травы для животныхъ. Такъ какъ животныхъ оказалось у него очень много, то и запасы сѣна дѣлались большіе.

Нѣкоторые полагаютъ, что народы эти перешли къ земледѣлію именно для того, чтобы такимъ образомъ добыть достаточное количество пищи своимъ стадамъ, и только

потомъ уже стали сами питаться тѣми же растеніями, которыя разводили для животныхъ. Конечно, это очень возможно, но, вѣроятно, не вездѣ дѣло шло совершенно одинаковымъ порядкомъ. Въ однихъ мѣстахъ, гдѣ особенно много было растительной пищи, человѣкъ первымъ дѣломъ обратился къ разведенію хлѣбныхъ, плодовыхъ и другихъ растеній; а въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ особенно много было дичи, онъ сначала напалъ на прирученіе животныхъ, а потомъ уже перешелъ къ обработкѣ хлѣбныхъ растеній.

У многихъ народовъ, наконецъ, и то и другое могло развиваться одновременно. И на дѣлѣ мы встрѣчаемъ народы самага разнообразнаго образа жизни; одни только и знаютъ что свои стада и совсѣмъ не занимаются земледѣліемъ, другіе занимаются земледѣліемъ, довольно правда первобытнымъ, и почти вовсе не знакомы съ прирученными животными.

Кочевые народы обыкновенно возникаютъ въ обширныхъ степныхъ пространствахъ, дающихъ ихъ животнымъ обильную пищу. Въ нашихъ южнорусскихъ степяхъ въ прежнія времена кочевали такія племена: половцы, печенѣги и другія. До сихъ поръ существуютъ у насъ такія же кочевыя племена, на примѣръ киргизы. Татары, покорившіе Русь въ XIII вѣкѣ, были также кочевники, и до сихъ поръ въ степяхъ азіатскихъ кочуютъ многочисленные монгольскіе племена.

Море- плаваніе

Теперь нужно намъ разсмотрѣть, какія средства нашолъ человѣкъ для передвиженія по поверхности воды. Разнаго рода челноки, лодки, корабли, не смотря на ихъ различную форму, всѣ представляютъ въ общемъ одинъ и тотъ же основной видъ: продолговатый, овальной формы деревянный корпусъ съ углубленіемъ внутри.

Живя около воды, человѣкъ уже давно замѣчалъ, что однѣ вещи тонуть въ водѣ, а другія плаваютъ; но еще не догадывался, конечно, устроить себѣ какое-либо приспособленіе для плаванія. Мысль къ этому могъ подать такой случай, когда человѣкъ, попавши въ воду и желая вылѣзти оттуда, цѣплялся за плывущее бревно или доску. Онъ замѣчалъ сейчасъ же, что этотъ деревянный предметъ ока-

зываетъ ему въ плаваніи большую поддержку. Послѣ этого онъ, конечно, отправляясь вплавь куда-нибудь по рѣкѣ или по морю, могъ употреблять такую подмогу уже совершенно сознательно.

Но ему хотѣлось большаго: онъ сталъ задумываться надъ тѣмъ, чтобы ему самому нисколько не погружаться въ воду, и, естественно, для этого онъ старался только увеличить количество бревенъ и скрѣпить ихъ; такимъ образомъ получился плотъ, который можно было или пустить по теченію, или отталкивать длинною жердью, упираясь въ дно рѣки.

Плотъ

Стоя на плоту, человѣкъ легко могъ замѣтить, что при вѣтрѣ онъ плыветъ быстрѣе, что вѣтеръ ударяетъ въ него и гонитъ такимъ образомъ плотъ. Отсюда зародилась мысль устроить мачту съ парусомъ. Конечно, такимъ парусомъ первоначально служило то, что только умѣлъ человѣкъ приготовить изъ волокнистыхъ частей растений. Очень вѣроятно, что эту должность первоначально исполняла рогожа, сплетеная изъ мочалы, а можетъ быть, что этотъ парусъ былъ прежде не изъ ткани, а просто изъ широкаго пласта древесной коры или луба.

Но плотъ очень неуклюжъ въ своихъ движеніяхъ и имъ управлять нелегко. Поэтому человѣкъ начинаетъ придумывать приспособленія для болѣе свободнаго движенія. Во-первыхъ онъ замѣчаетъ, что одно большое бревно можетъ сдерживать человѣка на водѣ, но ему не хватаетъ устойчивости: оно вертится. Однако попадаютъ и такія бревна, которыя въ водѣ не вертятся. Это бываетъ именно въ томъ случаѣ, когда бревно нѣсколько стесано съ одной стороны.

Теперь для того, чтобы построить лодку, первоначально въ родѣ корыта, человѣку оставалось только выдолбить для себя помѣщеніе въ такомъ бревнѣ. Но легко сказать — выдолбить, да сдѣлать то это и при нашихъ усовершенствованныхъ инструментахъ не очень легко, а что же было во время каменнаго топора? Конечно, первоначально человѣкъ такъ и выдалбливалъ, тратя на такую работу очень много времени. Но онъ вскорѣ придумалъ

Лодка

способъ выжигать углубленія: онъ раскладывалъ на бревнѣ огонь, тушилъ его, выскабливалъ обуглившуюся часть дерева и продолжалъ это то тѣхъ поръ, пока не получалось нужное углубленіе. Теперь уже не трудно было усовершенствовать эту лодку-корыто и придать ей форму тепершняго челна. Вмѣстѣ съ тѣмъ изобрѣтается и весло: оно построено по образцу человѣческой руки. Дальше идутъ всевозможныя усовершенствованія: дѣлаютъ дере-

Рис. 15.

Каякъ эскимосовъ.

вянный остовъ лодки изъ отдѣльныхъ досокъ и обтягиваютъ всю лодку шкурами, чтобы не проходила вода, или же замазываютъ смолою всѣ отверстія, остающіяся между досками. Словомъ, теперь дѣло идетъ довольно легко: и лодка, и парусъ растутъ и доходятъ до большого паруснаго корабля.

Лодка не только давала человѣку возможность съ

удобствомъ заниматься рыбною ловлею, но и облегчала сообщеніе людей между собою, конечно, тамъ, гдѣ были удобныя для плаванія рѣки, озера или моря. Переплывая съ одного острова на другой, человѣкъ находилъ новыя мѣста для поселенія и такимъ образомъ распространялся все дальше и дальше по земному шару. Плаваніе по морю играло большую роль въ разселеніи людей, на примѣръ, въ Австраліи, которая окружена массой различной величины острововъ. Тоже было и въ древнемъ мірѣ, въ области Средиземнаго моря и въ особенности въ той

Рис. 16.

Австралійцы ловятъ рыбу въ своихъ каное.

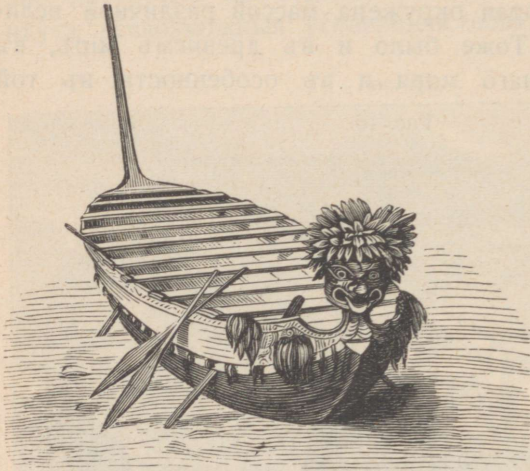
части его, которая лежитъ между западнымъ берегомъ Малой Азіи и Балканскимъ полуостровомъ, т. е. въ Эгейскомъ морѣ, или Архипелагѣ.

Мы до сихъ поръ ничего не говорили объ одеждѣ первобытнаго человѣка. Происходитъ это оттого, что первобытный человѣкъ не нуждался въ одеждѣ, такъ какъ жилъ въ теплыхъ странахъ. Если иногда и заставляла его погода дрожать отъ холода, то во всякомъ случаѣ у него было достаточно другихъ заботъ о своемъ суще-

Одежда

ствованіи, такъ что этотъ вопросъ естественно отступалъ на задній планъ, лишь только снова проглядывало изъ-за тучъ горячее тропическое солнце. А когда человѣкъ открылъ способъ добыванія огня, то ему стало еще меньше надобности въ одеждѣ, такъ какъ даже ночью онъ могъ грѣться около костра.

Рис. 17.

Военная лодка новозеландцевъ.

Вопросъ объ одежде все настоятельнѣе и настоятельнѣе давалъ себя знать только уже тогда, когда человѣкъ сталъ изъ теплыхъ странъ переходить въ болѣе холодныя. Тутъ онъ естественно сталъ употреблять для прикрытія тѣла то, что давала ему природа, и прежде всего онъ видѣлъ,

что живущія вокругъ него животныя обходятся безъ всякой одежды, но за то имѣютъ теплыя шкуры. Не имѣя ничего другого, человѣкъ естественно сталъ покрывать свое тѣло шкурами убитыхъ животныхъ.

Но тутъ онъ натолкнулся на то неудобство, что шкура была слишкомъ груба въ томъ видѣ, какъ снималась съ животнаго. И вотъ человѣкъ направляетъ свою мысль на то, чтобы какъ-нибудь сдѣлать шкуру помягче; онъ скоблетъ ее, мочитъ, мнетъ и достигаетъ нѣкоторыхъ результатовъ. Наконецъ, онъ находитъ нѣкоторыя дубильныя вещества, которыя уже прямо доводятъ шкуру до нужной мягкости. Какъ открыты эти вещества, сказать довольно трудно. Можно только указать, что у многихъ первобытныхъ народовъ извѣстно дѣйствіе перегнившей мочи на шкуру.

Шкуры и
ихъ дуб-
леніе

Послѣ открытія способа ткать изъ волоконъ растений, стали употреблять для покрытія тѣла различныя ткани. Сначала, конечно, кутались въ большіе куски такой ткани, а потомъ понемногу научились сшивать отдѣльные куски, для чего употреблялись рыбы кости вмѣсто иглокъ; такъ получалось нѣчто въ родѣ рубахи, сначала безъ рукавовъ, а потомъ и съ рукавами.

Ткани

Одежду во многихъ случаяхъ трудно отличить отъ украшенія. У многихъ народовъ, не знающихъ совершенно никакой одежды, есть обычай нацѣплять на отдѣльныя части тѣла куски ткани, очевидно съ цѣлью разукрасить свою фигуру. Куски ткани часто такъ нацѣпляются на тѣло, что нисколько не могутъ защитить отъ холода, или дождя. Ясно, что это не одежда, а простое украшеніе.

Одежда и украшеніе

Такимъ образомъ въ одеждѣ мы должны отличать необходимое отъ того, что служитъ только украшеніемъ. Обыкновенно и то, и другое соединено; и необходимую одежду человѣкъ старается сдѣлать покрасивѣе, расшить ее какими-нибудь узорами, или придать ей красивую форму.

Но чѣмъ настоятельнѣе являлась человѣку необходимость одѣть свое тѣло, тѣмъ дальше отодвигалось на задній планъ украшеніе. У народовъ, живущихъ въ теплыхъ странахъ, мы встрѣчаемъ самыя разнообразныя украшенія: лицо и тѣло раскрашиваются различными красками, перья птицъ затыкаются въ волоса, и сами волоса, если возможно, причесываются извѣстнымъ образомъ. Все это, конечно, имѣетъ въ виду только украшеніе. Наоборотъ, на крайнемъ, сѣверѣ, въ странѣ постоянныхъ снѣговъ и льдовъ, мы находимъ человѣка всего съ ногъ до головы зашитаго въ шкуры и можемъ ясно видѣть, какъ каждая часть его одежды приспособлена къ необходимымъ движеніямъ, и за то почти совершенно не видимъ украшеній. Красота одежды заключается только въ красотѣ самаго матеріала, т. е. въ красотѣ шкуры.

Теперь остается еще рассказать о томъ, какъ человекъ пришелъ къ обработкѣ металловъ.

Металлы:

Первый металлъ, который узналъ человекъ, была мѣдь. Она встрѣчается въ природѣ въ чистомъ видѣ,

мѣдь

такъ что ему не трудно было найти куски ея. Не трудно было также замѣтить, что металлъ этотъ обладаетъ особеннымъ свойствомъ — онъ мягче камня и не раскаляется, какъ камень, на куски, а принимаетъ нужную форму. Но за то этотъ металлъ оказался плоше камня: онъ былъ слишкомъ мягокъ и потому не могъ служить для приготовленія орудій; его можно было употреблять только на украшенія. Дальше замѣчено было и вліяніе огня на этотъ металлъ: оказалось, что онъ плавился. Какъ человѣкъ дошелъ до этого, легко представить себѣ, если припомнимъ, что человѣку часто приходилось нагрѣвать камни или для жаренья, или для кипяченія воды.

Такъ какъ сначала человѣкъ не отличалъ камня отъ металла, то дѣлалъ съ металломъ то же, что и съ камнемъ. Долго, конечно, пришлось человѣку поработать до тѣхъ поръ, пока онъ не нашелъ способа готовить изъ металла орудія. Для этого нужно было найти такой металлъ, который былъ бы достаточно твердъ. Этотъ металлъ былъ бронза. Она замѣчательна тѣмъ, что легко расплавляется, гораздо легче мѣди.

бронза

Но бронза въ природѣ не встрѣчается: это искусственный сплавъ мѣди съ небольшимъ количествомъ олова. Стало быть человѣку пришлось найти сначала олово, сумѣть его расплавить, да еще сплавить его съ мѣдью.

олово

Само собою разумѣется, что для такого открытія нужны были особенно благоприятныя условія. Нужно было, чтобы въ одномъ и томъ же мѣстѣ можно было найти и мѣдь, и олово, а такихъ мѣстъ на земномъ шарѣ немного. Поэтому, разбирая находки бронзовыхъ вещей, явилась возможность указать, откуда могло распространиться употребленіе бронзовыхъ орудій.

Что они распространились изъ одного какого-нибудь мѣста, объ этомъ особенно ясно говоритъ то, что всѣ бронзовыя вещи, которыя находятъ въ раскопкахъ, очень похожи одна на другую. Предполагаютъ, что бронза распространилась изъ Азіи, а именно изъ мѣстностей лежащихъ между Ураломъ и Алтаемъ, гдѣ находятъ и мѣдь, и олово.

Около того же времени, а мѣстами можетъ быть и раньше, стало входить въ употребленіе и желѣзо.

желѣзо

Его обработка была гораздо труднѣе, и не всякій могъ справиться съ такимъ металломъ. Кузнецы, занимающіеся обработкой желѣза, считались какими-то колдунами. Эта молва поддерживалась еще и тѣмъ, что они приходили къ народамъ, не знавшимъ употребленія желѣза, и какъ народъ чужой, живущій совершенно отдѣльно, производили еще больше впечатлѣніе колдуновъ. И у насъ до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ считаютъ кузнецовъ колдунами.

Золото и серебро были тоже извѣстны въ глубокой древности. Конечно, распространены были эти металлы не вездѣ одинаково. Въ однихъ мѣстахъ больше было золота, въ другихъ, больше серебра. Первымъ дѣломъ эти металлы были употреблены на украшенія, которыя нацѣплялись и на шею въ видѣ ожерелья, и на руки, и на ноги въ видѣ браслетовъ.

золото и
серебро

Когда Европейцы открыли Америку, то очень были удивлены, что нашли у американскихъ племенъ золотыя украшенія.

Уже въ древности золото и серебро стали употреблять, какъ деньги, при чемъ носили его точно также, какъ и раньше въ видѣ украшенія, и смотря по надобности, отрѣзали, сколько нужно было заплатитъ. Длинные золотые и серебряные пруты, изображавшіе деньги, обвивались вокругъ шеи. Какимъ образомъ и почему золото и серебро стали употреблять какъ деньги, объ этомъ поговоримъ еще послѣ.

Такъ какъ металлы можно найти не вездѣ, то распространеніе ихъ непремѣнно связано съ частыми сообщеніями людей между собою. Обмѣнъ произведеній одной земли на произведенія другой долженъ былъ уже происходить и въ тѣ отдаленныя времена. Нѣкоторые народы, переходя съ мѣста на мѣсто, переносили товары одной мѣстности въ другую, дѣлались народами торговыми. Первоначально это были, конечно, народы кочевые: потомъ, когда люди научились передвигаться по водѣ, то торгов-

цами стали дѣлаться приморскіе народы, хорошіе моряки, такіе же морскіе кочевники. Въ древности поэтому купцы непремѣнно были путешественниками и обыкновенно иностранцами.

И у насъ въ Россіи въ старину были такіе же гости — т. е. иностранцы, которые привозили заморскіе товары и выставляли ихъ въ гостиномъ дворѣ. Впрочемъ о торговлѣ намъ еще придется говорить впослѣдствіи.

До сихъ поръ мы говорили о томъ, что было необходимо человѣку для поддержанія своей жизни. Но кромѣ этихъ полезныхъ изобрѣтеній уже въ самыя древнія времена и во всѣхъ частяхъ земного шара мы встрѣчаемъ употребленіе въ пищу такихъ продуктовъ, которые доставляютъ человѣку только одно удовольствіе, а иногда даже вредно дѣйствуютъ на здоровье, производя опьяненіе. Конечно, первобытный человѣкъ не могъ вполне ясно сознавать вредъ отъ употребленія такихъ опьяняющихъ веществъ.

И въ наше время есть много такихъ людей, которые не признаютъ вреда пьянства или куренья табаку, не смотря на то, что уже наука доказала, что вредъ этотъ существуетъ, и даже объяснила, въ чемъ именно онъ заключается. Первобытному человѣку невозможно было замѣтить медленное вредное дѣйствіе опьяняющихъ веществъ, а пріятное опьяненіе, соединенное обыкновенно съ возбужденіемъ, заставляло видѣть и въ этихъ вещахъ хорошую сторону.

Если мы кромѣ того примемъ во вниманіе то огромное напряженіе и физическое, и умственное, которое выпало на долю первобытнаго человѣка въ его борьбѣ съ природою, въ непрестанной заботѣ о насущномъ хлѣбѣ, объ улучшеніи своего матеріальнаго положенія, то намъ станетъ совершенно понятнымъ, отчего такъ полюбилъ человѣкъ эти опьяняющія вещества. Они дѣйствительно оказывали ему большую поддержку. Они подкрѣпляли его въ тѣ минуты, когда онъ чувствовалъ сильную усталость, вливали въ него новыя силы; а потомъ, когда проходило ихъ возбуждающее дѣйствіе, человѣкъ погру-

Опьяняющія вещества

жался въ сонъ, который давалъ ему необходимый отдыхъ и освѣждалъ для новой работы.

Человѣкъ не понималъ, откуда происходитъ такое чудесное дѣйствіе этихъ веществъ на него, и приписывалъ это дѣйствію божества, находящагося въ напитокѣ. Божество это казалось добрымъ, и человѣкъ сталъ поклоняться ему. У многихъ народовъ эти напитки почитаются божествомъ, и даже такимъ божествомъ, которое другимъ богамъ даетъ жизнь и составляетъ ихъ постоянную пищу.

Особенно развито было поклоненіе такому божеству у древнихъ индійцевъ, жившихъ въ теперешней Остѣ-Индіи, и у древнихъ Персовъ. У нихъ существовалъ напитокъ, добывавшійся изъ сока какого-то растенія „сома“. Самое приготовленіе этого напитка, состоявшее въ выжиманіи сока изъ растенія, сдѣлалось священнодѣйствіемъ, и при его приготовленіи пѣлись хвалебные гимны въ честь этого добраго божества, при чемъ прославлялись благодѣтельныя его дѣйствія на человѣка и на другихъ боговъ.

Сома

Такіе обряды и пѣсни существовали всюду, и даже у насъ сохранился слабый отголосокъ того же прославленія. Только у насъ варилось, да и до сихъ поръ по праздникамъ въ деревняхъ варится пиво, въ честь котораго и пѣлась пѣсня: „Ай, на горѣ мы пиво варили“; а дальше называется въ пѣснѣ, какъ дѣйствуетъ пиво: „Мы съ этого пива всѣ привстанемъ, мы съ этого пива въ ладоши ударимъ“. Что эта пѣсня пѣлась при совершеніи языческаго религіознаго обряда варенія пива, видно изъ припѣва: „Лада, моя Лада“. Эта Лада было древнее языческое божество славянъ.

Большимъ распространеніемъ въ старину пользовался медъ, напитокъ, приготовлявшійся изъ пчелинаго меду. Не трудно было человѣку добыть себѣ этотъ пчелиный медъ. Найти пчелиный улей въ дуплистомъ деревѣ было не трудно, а испробовавши разъ такого лакомства, какъ медъ, человѣкъ готовъ былъ пожертвовать даже своими руками, лишь бы достать его снова. Конечно, вскорѣ уже нашолъ человѣкъ способъ обходиться съ пчелами безъ особенныхъ для себя неприятностей, отгоняя ихъ дымомъ

Медъ

отъ разложеннаго костра. Потомъ уже отыскалъ человѣкъ и способъ доставать изъ дупла дерева медь, не выгоняя оттуда пчель, чтобы имѣть возможность еще разъ поживиться ихъ сладкимъ запасомъ. Но конечно болѣе правильное пчеловодство начинается только тогда, когда человѣкъ уже устроилъ себѣ постоянное жилище.

Медомъ человѣкъ приправлялъ себѣ пищу, примѣшивалъ его въ тѣсто, а иногда, конечно, ѣлъ и чистый медъ. Но чистый медъ очень тяжело дѣйствуетъ на желудокъ, и вотъ человѣкъ разбавляетъ его водою и такимъ образомъ приготовляетъ себѣ запасъ сладкаго питья. Такой разбавленный водою медъ, постоявши нѣсколько времени, приходитъ въ броженіе, и тогда изъ него и получается тотъ напитокъ, который былъ распространенъ и у насъ, и у германцевъ, и у многихъ другихъ народовъ.

Пиво Совершенно такимъ же образомъ люди дошли и до приготовления пива. Оно получалось отъ броженія того сусла, которое приготовлялось изъ муки съ водою. Замѣчательно, что и пиво подъ разными названіями распространено было у многихъ народовъ древности особенно тамъ, гдѣ по мѣстнымъ условіямъ невозможно было приготовить другого пьянаго напитка.

Замѣтивъ, что сокъ нѣкоторыхъ растений имѣетъ тоже свойство опьянять, научились подмѣшивать эти растенія въ пиво, чтобы придать ему больше силы. Такъ у насъ для этой цѣли подмѣшивали въ пиво хмѣлю, а иногда и другія растенія.

Виноградное вино Приготовленіе винограднаго вина было изобрѣтено тоже въ глубокой древности, конечно тамъ, гдѣ успѣшно произросталъ виноградникъ. Стоило только выжать обильный сокъ изъ виноградныхъ ягодъ и дать ему постоять, чтобы получилось вино, дѣйствующее гораздо сильнѣе пива.

Поэтому въ древности пили вино, обыкновенно, разбавляя его водой, а чистымъ угощали только боговъ, которые, какъ думали тогда, подарили людямъ виноградную лозу и научили ихъ готовить такой божественный напитокъ.

Такое же одуряющее дѣйствіе оказывали на человѣка и нѣкоторыя растенія. Изъ нихъ мы назовемъ только макъ и коноплю.

Изъ сѣмени этихъ растеній приготовлялись различныя блюда. Между прочимъ еще и у насъ теперь пекутъ изъ чернаго хлѣба лепешки съ раздавленнымъ коноплянымъ сѣменемъ. Конечно, дѣйствіе этихъ растеній сравнительно довольно слабо, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ нихъ готовятъ такія снадобья, которыя дѣйствуютъ гораздо сильнѣе всякаго вина. Таковы напримѣръ: опиумъ и гашишъ, приготовляющіеся изъ сока незрѣлаго мака и изъ конопли. Они употребляются въ Азіи и производятъ очень сильное и вредное для здоровья опьяненіе, которое сопровождается различными видѣніями. Человѣкъ находится въ полуснѣ и бредѣ.

Опиумъ и
гашишъ

Подобно тому какъ въ нашемъ старомъ свѣтѣ распространены различныя опьяняющіе напитки, такъ въ Америкѣ, въ новомъ свѣтѣ, распространено между туземцами куренье и жеванье табаку. И Европейцы переняли эту привычку отъ Американцевъ. Она очень быстро распространилась по всей Европѣ. Какъ въ старомъ свѣтѣ приносили богамъ въ жертву вино, такъ въ Америкѣ богамъ воскуряли табакъ, и только принеся имъ такую жертву, сами начинали курить.

Табакъ

II.

Общественная жизнь первобытнаго человѣка.

Теперь, разсмотрѣвши обстановку жизни человѣка, мы должны перейти къ его общественной жизни.

Мы уже говорили о томъ, что во многихъ случаяхъ человѣку невозможно было обходиться безъ помощи другихъ людей. Были такія дѣла, которыя не подъ силу были одному человѣку, и люди соединялись въ группы для ихъ выполненія. Такихъ дѣлъ было очень много: и охота, и рыбная ловля, и скотоводство, и различнаго рода постройки и добываніе огня — все это могло соединять людей въ большія или мелкія группы, — смотря по надобности.

Но проходила надобность, — и группы эти снова распадалась, потому что не было въ нихъ необходимости. вмѣсто нихъ возникали новыя, для новыхъ предпріятій, и онѣ опять смѣнялись другими. Постоянства не могло быть въ этихъ группахъ потому, что непостоянны были и занятія людей въ первобытныя времена. Затѣввалась охота, добыча дѣлилась на части, и, пока весь запасъ мяса не истощался, обыкновенно ничего и не предпринималось, а потомъ наступало время, когда особенно удобно было ловить рыбу, и собирались люди снова уже на этотъ промыселъ.

Но что же заставляло людей постоянно жить группами? Конечно, во-первыхъ то, что имъ нельзя было никогда надѣяться на силы одного человѣка и постоянно

была необходимость пользоваться услугами другихъ и работать вмѣстѣ для добыванія пищи.

Но, кромѣ того, эта совмѣстная жизнь уже въ самыя древнія времена соединяла людей въ одну большую семью. Они были не только товарищи по работѣ, а кромѣ того и родственники.

Но первобытное родство сильно отличалось отъ нашего, и потому намъ нужно рассмотретьъ, какова была первоначальная человѣческая семья. Мы привыкли называть семьей мужа, жену, ихъ дѣтей и иногда нѣкоторыхъ другихъ родственниковъ, напримѣръ, дѣда и бабу. Но первоначальная семья не была похожа на нашу, такъ что даже и семьей то ее нельзя назвать.

До насъ дошли рассказы о томъ, какъ въ старину жили многіе народы. Они не знали брака. И про нашихъ предковъ лѣтописецъ Несторъ рассказываетъ, что они не имѣли брака, а жили какъ звѣри. Такія же извѣстія есть и о многихъ народахъ, жившихъ въ разныхъ странахъ, такъ что нужно думать, что въ древности у всѣхъ не было брака. А коли не было брака, такъ стало быть и не было нашей семьи. Мужья имѣли по многу женъ, а жены по многу мужей. Такъ какъ не было опредѣленнаго брака, то и нельзя было точно опредѣлить родства. Братья и сестры тоже еще не опредѣлялись, и браки между ними были явленіемъ зауряднымъ.

Но вотъ мало по малу люди пришли къ тому заключенію, что такіе браки вредны, что поколѣніе отъ такихъ браковъ получается слабое и очень часто не выживаетъ. Нѣкоторые народы, которые прекратили браки между родственниками, оказались, конечно, гораздо сильнѣе тѣхъ, у которыхъ практиковалось это по прежнему. Болѣе слабые народы или должны были вымереть, или ввести и у себя тотъ же порядокъ.

Это сдѣлается еще понятнѣе, если мы примемъ во вниманіе, что первобытные народы жили въ постоянной враждѣ между собою и устраивали охоты не только на звѣрей, но и на своихъ же собратій, людей, которыхъ они тогда еще не считали своими братьями. Всякій, принад-

Родство и
семья

лежащій къ другому народу, считался врагомъ; на него смотрѣли, какъ на животное, и предпринимали войну на сосѣдей съ цѣлю добыть этихъ сосѣдей, либо для того, чтобы съѣсть ихъ, либо для того, чтобы обратить въ рабовъ.

Рабъ тоже своего рода домашнее животное, полезное въ хозяйствѣ. И точно также какъ животныхъ сначала ѣли, а потомъ научились употреблять для различныхъ работъ, такъ и рабовъ, которые всегда добывались изъ чужого народа, сначала употребляли въ пищу, а потомъ стали употреблять для домашнихъ работъ.

При такомъ образѣ жизни, легко себѣ представить, какое значеніе имѣло въ первобытныя времена превосходство въ физической силѣ. Тотъ, кто былъ сильнѣе, могъ даже прямо поѣдать своего болѣе слабого сосѣда.

Такимъ образомъ, мало-по-малу, остались на землѣ только такіе народы, которые ввели у себя новое установленіе, дававшее болѣе сильное потомство, а именно: запрещеніе брака между близкими родственниками, а другіе народы должны были либо уступить болѣе сильнымъ, либо ввести и у себя тоже установленіе.

Но это установленіе выработалось съ большимъ трудомъ. Въ различныхъ странахъ мы еще теперь находимъ различныя правила. Одни изъ нихъ болѣе, другія менѣе ограничиваютъ кругъ людей, съ которыми въ бракъ вступать не дозволялось.

Сначала, когда не существовало никакихъ ограниченій брака, совершенно естественно не существовало и родства. Не было никакой надобности отличать родственниковъ отъ другихъ людей. Въ тѣ времена, можно считать, существовало только одно родство между матерью и дѣтьми, да и то только въ то время, пока дѣти были малы. А когда они выросли и уходили отъ матери, то и родственныя связи порывались и забывались.

Родство не было устойчиво. Оно устанавливается только тогда, когда и жизнь людей дѣлается болѣе постоянной, когда они начинаютъ жить большими группами. Какъ возникали первоначальныя родственныя группы, мы можемъ только догадываться. На землѣ нѣтъ ни одного

народа, который бы вовсе не зналъ родства. Но не у всѣхъ первобытныхъ народовъ родство одинаково, и, если сравнить эти различные способы счета родства, то легко замѣтить, что одни изъ нихъ древнѣе, а другіе новѣе. Такимъ образомъ можно догадаться, какъ зародился счетъ родства и какъ онъ потомъ измѣнялся.

Самое древнее дѣленіе родственниковъ на группы мы находимъ въ Австраліи. Тамъ сохранились остатки глубокой старины. Первоначально родственники дѣлились по поколѣніямъ на старшихъ и младшихъ. Всѣ старшіе считались родителями младшихъ, ихъ отцами и матерями, а младшіе — дѣтьми старшихъ, ихъ сыновьями и дочерьми. Братья себѣ жену можно было только изъ того же поколѣнія: мужчина изъ поколѣнія старшихъ долженъ былъ жениться на женщинѣ изъ того же поколѣнія и не могъ взять себѣ въ жены женщину изъ поколѣнія младшихъ. Точно также и младшіе могли вступать въ бракъ только между собою. Этотъ порядокъ имѣлъ то значеніе, что при немъ не было возможности вступить въ неравный бракъ: старикъ не могъ жениться на молодой, и молодой не могъ жениться на старухѣ. Обыкновенно юноша переходилъ изъ дѣтскаго возраста въ младшее поколѣніе послѣ женитьбы, и даже только тогда, когда у него самого рождались дѣти. Въ поколѣніе старшихъ онъ переходилъ послѣ того, какъ у его дѣтей появлялись дѣти, т. е. когда его дѣти начинали переходить въ младшее поколѣніе.

Это древнѣйшее ограниченіе браковъ устанавливаетъ какъ правило бракъ между лицами того же поколѣнія, т. е. между братьями и сестрами. Братьями и сестрами въ то время назывались не только дѣти однихъ родителей, но и всѣ сверстники по возрасту, по поколѣнію. Точно также старшее поколѣніе состояло изъ отцовъ и матерей. Такимъ образомъ бракъ между братьями и сестрами не только не запрещался, но даже считался обязательнымъ, хотя это вовсе не значитъ, что родные братья и сестры часто вступали въ бракъ. Въ настоящее время у австралийцевъ всюду признается, что роднымъ и даже двоюроднымъ братьямъ и сестрамъ вступать въ бракъ нельзя.

Неизвѣстно, когда и почему появилось это новое запрещеніе. Мы знаемъ только, что оно очень древнее.

Чтобы понять слѣдующія за тѣмъ позднѣйшія правила вступленія въ бракъ у австралійцевъ, нужно знать, какъ они живутъ. Дѣло въ томъ, что они бродятъ ордами челоуѣкъ въ тридцать-сорокъ на опредѣленномъ пространствѣ земли; мужчины занимаются охотой, а женщины выкапываютъ корни и собираютъ всякую другого рода пищу. При такомъ небольшомъ числѣ членовъ орды легко могло оказаться, что юноша не могъ найти себѣ жены въ той же ордѣ, такъ какъ требовалось, чтобы жена была изъ того же поколѣнія и не была бы ему родной или двоюродной сестрой. Это стѣсненіе вело къ тому, что женъ приходилось брать изъ другихъ сосѣднихъ ордъ. Сначала женъ добывали силою, а потомъ, когда установились болѣе мирныя отношенія, ихъ стали покупать. Обмѣнъ женъ повелъ къ тому, что теперь необходимо стало слѣдить за родствомъ не только въ своей ордѣ, но и въ тѣхъ, съ которыми происходилъ обмѣнъ женщинами. Дѣти женщины, перешедшей въ сосѣдную орду, были двоюродными братьями дѣтей оставшихся въ ордѣ ея братьевъ. Такъ какъ бракъ между двоюродными братьями и сестрами былъ запрещенъ, то мужчинамъ нельзя было брать въ жены и нѣкоторыхъ женщинъ изъ сосѣднихъ ордъ. Поэтому надо было слѣдить строго за родственными отношеніями и въ сосѣднихъ ордахъ. Для этой цѣли былъ установленъ счетъ родства по женской линіи. Дѣти женщины считались принадлежащими къ ея роду, хотя она и переходила изъ одной орды въ другую. У австралійцевъ эта принадлежность къ роду матери отмѣчается тѣмъ, что всѣ ея дѣти носятъ одно и то же имя: имя рода своей матери. Такимъ образомъ получается правило, что люди, носящіе то же родовое имя, не могутъ вступать въ бракъ между собою. Первоначальное запрещеніе брака между родными и двоюродными братьями и сестрами теперь уже распространяется на всѣхъ лицъ, носящихъ одно родовое имя, на весь родъ. Этотъ родъ первоначально соединяетъ всѣхъ родственниковъ по женской

линіи, т. е. дѣтей одной матери, дѣтей ея дочерей, дѣтей ея внучекъ и т. д.

Такой родъ мы будемъ называть материнскимъ родомъ въ отличіе отъ отцовскаго, или патріархальнаго рода, въ которомъ счетъ родства ведется по мужской линіи.

Теперь представимъ себѣ, какъ эти родственники, принадлежащіе къ одному и тому же роду, распредѣлялись въ ордахъ австралійцевъ. Женщина, переходя изъ одной орды въ другую, переносила съ собою туда и свой родъ. Всѣ ея дѣти принадлежали къ ея роду, т. е. къ роду другой орды. Такимъ образомъ роды одной орды переходили въ другую вслѣдствіе обмѣна женщинами. Если мы представимъ себѣ нѣсколько сосѣднихъ ордъ, которыя въ теченіе продолжительнаго времени обмѣнивались женщинами, то во всѣхъ этихъ ордахъ должны оказаться тѣ же самые роды, т. е. люди съ одинаковыми родовыми именами, унаслѣдованными отъ ихъ матерей. Постоянные браки дѣлають родство этихъ ордъ все болѣе и болѣе близкимъ, и въ концѣ концовъ всѣ лица, принадлежащія къ этимъ сосѣднимъ ордамъ, оказываются въ родствѣ другъ къ другу. Всѣ они должны принадлежать къ нѣсколькимъ материнскимъ родамъ, которые считаются между собою родственными родами. Эту болѣе крупную группу родственниковъ, состоящую изъ нѣсколькихъ родственныхъ родовъ, обыкновенно называютъ фратріей.

Фратрія

Это греческое слово значить братство. Такимъ образомъ получается слѣдующее дѣленіе родственниковъ: фратрія составляется изъ нѣсколькихъ материнскихъ родовъ.

Но австралійцы, у которыхъ мы находимъ зачатки рода и фратріи, живутъ ордами, и ведутъ бродячій образъ жизни. Стало быть родъ и фратрія у нихъ еще не представляютъ изъ себя живую группу людей: это только обозначенія родства, а сами члены родовъ и фратрій разсѣяны по нѣсколькимъ ордамъ и не живутъ вмѣстѣ.

У народовъ, занимающихся земледѣліемъ или скотоводствомъ, мы находимъ тоже роды и фратріи, но это уже

не только названія родства, но и дѣйствительныя группы людей, живущихъ вмѣстѣ.

Материн-
скій родъ

Какъ и почему произошло это измѣненіе? Произошло оно потому, что измѣнился образъ жизни народовъ. Народы, занимающіеся земледѣліемъ, уже не могутъ бродить подобно австралійцамъ, они дѣлаются осѣдлыми. Мы уже знаемъ, что земледѣліемъ начали заниматься сначала, по-видимому, женщины. Для постоянного занятія полеводствомъ необходимо было, чтобы женщина жила на одномъ и томъ же мѣстѣ; а между тѣмъ мы знаемъ, что по австралійскимъ обычаямъ, женщина должна переходить въ орду своего мужа. Этотъ переходъ при занятіи земледѣліемъ оказывался неудобнымъ, потому что женщина должна бы была, выходя замужъ, бросать свое хозяйство. Да и ея родственники не хотѣли, конечно, отдавать чужимъ людямъ работницу. Надо принять въ соображеніе, что земледѣліе, которымъ занималась женщина, давало въ то время самое постоянное пропитаніе. Понятно, что женщиной-работницей очень дорожили. Между тѣмъ для мужчины, занимающагося охотой, было совершенно безразлично, гдѣ имѣть пристанище: онъ по прежнему больше бродилъ, выслѣживая дичь. Такимъ образомъ съ одной стороны являлась необходимость имѣть уже болѣе постоянное мѣсто жительства для веденія сельскаго хозяйства, съ другой стороны не было серьезныхъ препятствій къ тому, чтобы въ этомъ хозяйствѣ главная роль принадлежала женщинѣ. Теперь родъ со счетомъ родства по женской линіи собирается въ одну группу, живущую уже постоянно на томъ же мѣстѣ. Мужья переселяются къ женамъ, или вѣрнѣе являются гостями у своихъ женъ, принося имъ часть добычи своей охоты.

Такіе материнскіе роды существуютъ еще и въ настоящее время у нѣкоторыхъ народовъ. У нихъ женщина обыкновенно пользуется бѣльшимъ почетомъ и иногда имѣетъ даже нѣкоторую власть. Такое болѣе высокое положеніе женщины всегда находится въ зависимости отъ ея значенія въ земледѣльческомъ хозяйствѣ.

Но вскорѣ дѣло перемѣнилось. Мужчины нашли

средства приручить животных: они стали разводить ихъ въ большемъ количествѣ, такъ что мясная пища сдѣлалась гораздо постояннѣе, чѣмъ прежде. Женское полевое хозяйство, стоявшее тогда еще на очень низкомъ уровнѣ, поблѣднѣло предъ такимъ крупнымъ скотоводствомъ мужчинъ. Главнымъ источникомъ питанія теперь стало пастушество, а оно требовало передвиженія съ мѣста на мѣсто, чтобы найти кормъ скоту.

Женское полеводство должно было уступить. Женщины должны были оторваться отъ своего поля, чтобы кочевать вмѣстѣ съ своими мужьями. Такимъ образомъ, мужской трудъ получилъ перевѣсъ, а съ этимъ вмѣстѣ мужчины получили перевѣсъ надъ женщинами. Родъ теперь значительно обогатился: у него были многочисленныя стада; но пасли эти стада мужчины. Они не хотѣли уже теперь по прежнему переселяться къ своимъ женамъ въ другой родъ: имъ бы пришлось тогда либо бросить свои стада, либо перевести ихъ въ другой родъ. Ни того, ни другого они не захотѣли дѣлать. Поэтому имъ нужно было брать женъ изъ другого рода къ себѣ, въ свой родъ. Такимъ образомъ теперь родъ мало по малу сталъ принимать другой видъ. Особеннаго измѣненія въ немъ не произошло, только теперь онъ сталъ заключать въ себѣ дѣтей, внуковъ и правнуковъ одной группы мужчинъ, т. е. счетъ родства сталъ вестись по мужской линіи. Такой родъ называется патріархальнымъ родомъ, а старшій въ родѣ мужчина называется патріархомъ.

Теперь уже и въ патріархальномъ родѣ происходятъ все большія и большія измѣненія. Жизнь сдѣлалась гораздо обезпеченнѣе; вмѣстѣ съ тѣмъ это дало возможность крупнымъ родамъ дробиться на болѣе мелкіе роды. Во первыхъ такое дробленіе было возможно уже потому, что работа мелкой группы могла вполне обезпечить ея существованіе, а сверхъ того и пастьба скота требовала того, чтобы дробились слишкомъ крупныя стада на мелкія, такъ какъ трудно было найти удобное пастбище для слишкомъ крупныхъ стадъ. Изъ за этого происходили часто ссоры, и потому нужно было расходиться въ разныя стороны.

Патріархальный
родъ

**Парная
семья**

Когда существованіе сдѣлалось гораздо обезпеченнѣе, то и форма брака стала измѣняться. Личныя склонности стали играть все большую и большую роль. Теперь появляется парная семья. Она состояла въ томъ, что люди сходились по взаимному соглашенію и жили вмѣстѣ до тѣхъ поръ, пока одна изъ сторонъ не отказывалась отъ такого сожителства. Бракъ легко было расторгнуть, но онъ уже принялъ форму временнаго болѣе или менѣе продолжительнаго сожителства. Само собою разумѣется, что эта парная семья зародилась и развилась еще въ родовой организаціи. Поэтому обыкновенно родъ, жившій вмѣстѣ, дѣлился на много семей, которыя всѣ стояли подъ властью патріарха. Когда родъ разрастался и достигалъ слишкомъ большихъ размѣровъ, то нѣсколько такихъ мелкихъ семей, наиболѣе близкихъ родственниковъ отдѣлялись отъ главнаго рода и составляли отдѣльный родъ, со своимъ патріархомъ.

Кромѣ того намъ надо теперь рассмотреть одно учрежденіе, которое оказывало большое вліяніе на развитіе рода въ тѣ древнія времена.

Рабство

Мы знаемъ уже, какъ враждебно относились другъ къ другу первобытныя человѣческія племена. Мы знаемъ, что они воевали между собою, и побѣдители даже съѣдали своихъ убитыхъ или плѣнныхъ враговъ. Теперь, когда человѣкъ могъ добыть себѣ болѣе обезпеченное существованіе, ему уже не было необходимости съѣдать человѣка изъ другого племени. Мясную пищу ему доставляло въ достаточномъ количествѣ его скотоводство, а плѣнный человѣкъ могъ ему пригодиться для работы, которая доставляла теперь гораздо больше выгоды. Въ прежнія времена человѣкъ едва могъ поддержать свое собственное существованіе, а потому отъ его работы для другихъ было мало выгоды. Теперь дѣло перемѣнилось и этихъ плѣнныхъ заставляли работать на себя, обращали въ рабовъ.

Рабы были изъ чужого племени, и ихъ обыкновенно не считали даже людьми. Они работали наравнѣ съ домашними животными, и ихъ не убивали только потому,

что это для хозяйства было вредно. Но если и случалось, что рабъ былъ убитъ, то это не считалось преступленіемъ. Это установленіе рабства имѣло большое значеніе. Тѣ народы, у которыхъ оно являлось, т. е. наиболѣе сильные, могли такимъ путемъ увеличить еще болѣе свое богатство и власть. Все то, что добывалъ рабъ, бралъ себѣ этотъ народъ и такимъ образомъ богатѣлъ не только своими трудами, но и трудами своихъ рабовъ.

Особенно крупный примѣръ развитія рабства мы находимъ въ древней Греціи и Римѣ. Тамъ дѣло дошло до того, что всякій трудъ добыванія средствъ существованія лежалъ почти исключительно на рабахъ. Высшіе классы занимались только военнымъ дѣломъ, чтобы держать своихъ рабовъ въ повиновеніи, да различными „благородными“ занятіями: наукой, литературой, различными удовольствіями да зрѣлищами, для которыхъ тоже служили рабы. Всякій другой трудъ считался рабскимъ, позорнымъ.

Конечно, не вездѣ дѣло доходило до такого положенія. Но тамъ, гдѣ не существовало рабства, человѣчество развивалось значительно медленнѣе и не могло дойти до такой высокой степени культуры.

Однако вернемся къ нашему патріархальному роду. Съ появленіемъ рабства внутри такого рода образовалась группа рабовъ, которые тоже принадлежали къ нему, но не пользовались свободой, а находились подъ властію патріарха. Браки между свободными и рабами не допускались. Но этого не слѣдуетъ понимать такъ, что въ дѣйствительности они совершенно не происходили. Они случались и даже довольно часто, но дѣти отъ такого брака не считались свободными и потому исключались изъ числа тѣхъ, кому принадлежало все имущество рода.

Когда роды сильно обогатились, вопросъ объ имуществѣ выдвинулся на первый планъ. Важно было охранять добытое родомъ богатство, а это можно было сдѣлать только установленіемъ наследованія. Все имущество рода переходило отъ поколѣнія къ поколѣнію, но рабы, конечно, исключались изъ числа владѣтелей родовымъ имуществомъ. Поэтому, если и происходили браки между

Наслѣдо-
ваніе иму-
щества
рода

рабами и свободными, дѣти отъ этого брака считались незаконными, т. е. неимѣющими правъ на наслѣдство. Они обыкновенно причислялись къ дѣтямъ рабовъ или составляли переходный классъ полусвободныхъ. Но случалось иногда такъ, что у родоначальника не было мужского потомства. Тогда допускалось на практикѣ, что и незаконный сынъ, т. е. сынъ свободного и рабыни, признавался законнымъ наслѣдникомъ. Его усыновляли, и онъ становился полноправнымъ свободнымъ членомъ рода. Такимъ образомъ установилось различіе между законнымъ и незаконнымъ бракомъ.

Вѣрнѣе даже сказать такъ, что незаконный бракъ совсѣмъ не считался бракомъ.

Мы знаемъ уже, какъ враждебно относились другъ къ другу первобытныя племена. Эта вражда отразилась точно также и на способѣ заключенія брака. Чѣмъ строже запрещался бракъ между родственниками и чѣмъ крупнѣе становилась эта группа, тѣмъ труднѣе было отыскать себѣ женъ. Дробленіе группы родственниковъ на болѣе мелкіе роды сначала нисколько дѣлу не помогало, потому что родство оставалось и между этими отдѣльными родами, а потому и бракъ между ними не считался возможнымъ.

Поэтому добывать себѣ женъ приходилось издалека, а такъ какъ въ тѣ далекія времена всѣ были во враждебныхъ отношеніяхъ, приходилось женъ отнимать силою. Желавшій добыть себѣ жену собиралъ компанію своихъ товарищей, и они дѣлали набѣгъ на сосѣднее племя и увозили себѣ женъ.

Похищеніе
женъ

Остатки такого „хищническаго брака“ очень распространены повсюду и мѣстами уцѣлѣли и у насъ въ Россіи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуетъ обычай везти невѣсту изъ дома родителей ея, при чемъ ее сопровождаютъ вооруженные ружьями всадники и стрѣляютъ при этомъ на воздухъ холостыми зарядами. Конечно, теперь уже бракъ совершается по согласію родителей той и другой стороны, но форма грабежа осталась. И сама невѣста, какъ бы она ни любила своего жениха, все-таки

считаетъ долгомъ поплакать о томъ, что „чужой чужанинъ“ увозить ее изъ родительскаго дома.

Такъ какъ всѣмъ племенамъ приходилось по большей части увозить другъ у друга женъ, то мало по малу они пришли къ заключенію, что гораздо удобнѣе совершать это мирнымъ путемъ; для всѣхъ одинаково невыгодна стала эта старинная вражда. При этомъ играло большую роль увеличеніе обмѣна между различными племенами, появленіе торговли.

Жены теперь стали обмѣниваться на другіе товары, ихъ стали покупать, предлагая за нихъ извѣстный выкупъ всему роду, откуда бралась жена.

Покупка
женъ

Остатковъ такой купли-продажи женъ еще больше, чѣмъ остатковъ похищенія. До сихъ поръ у насъ въ деревняхъ при устроеніи свадьбы родители жениха и невѣсты уговариваются обо всемъ до мельчайшихъ подробностей, и меньше всего говорится о самихъ вступающихъ въ бракъ. Невѣсту осматриваютъ какъ товаръ, пьютъ вино, какъ при всякой другой покупкѣ. Остатокъ купли сохранился еще и въ обыкновеніи дарить всѣхъ родственниковъ невѣсты; она составляетъ часть своего рода, а потому всему роду нужно дать за нее выкупъ.

Когда женъ стали покупать, какъ и другіе товары, то парная семья сдѣлалась еще распространеннѣе. Покупать много женъ было довольно трудно: на это не у всякаго хватало средствъ; поэтому много женъ могли имѣть только богатые люди, а такъ какъ при родовомъ устройствѣ всѣми богатствами рода распоряжался патріархъ, то онъ обыкновенно только одинъ и могъ имѣть много женъ; остальные члены рода довольствовались одной женой. Но и у самого патріарха обыкновенно была только одна законная жена, дѣти которой признавались наслѣдниками; остальные жены бывали обыкновенно рабынями, и ихъ дѣти имѣли большія или меньшія права, смотря по тому, насколько сильно было развито рабство.

Съ теченіемъ времени, чѣмъ болѣе обезпечена становилась жизнь людей, крупные роды дробились на мелкіе и обращались въ большую семью. Такія большія

Большая
семья

семьи существуютъ еще и теперь у насъ въ Россіи, хотя родового устройства уже не существуетъ. Большая семья обыкновенно состоитъ у насъ изъ пары стариковъ, мужа и жены и ихъ сыновей и съ женами и дѣтьми. Обыкновенно теперь уже эта большая семья дробится на мелкія семьи; каждый сынъ послѣ женитьбы отдѣляется отъ отца, получая часть хозяйственныхъ принадлежностей, и обзаводится собственнымъ хозяйствомъ.

Вмѣстѣ съ этимъ парная семья, послѣ того какъ мужчина получилъ перевѣсъ въ хозяйствѣ, значительно измѣняется. Форма ея остается, но преобладающее значеніе мужчины отражается въ томъ, что жена становится въ зависимость отъ мужа. Между тѣмъ какъ при парномъ бракѣ жена могла расторгнуть бракъ по своему желанію, теперь она лишается этого права; она на всю жизнь становится почти полною собственностью своего мужа. И между тѣмъ какъ онъ позволяетъ себѣ имѣть другихъ женъ, отъ нея требуется полная вѣрность одному своему мужу, и за каждое нарушеніе вѣрности она жестоко наказывается. Она обращается въ жену, которой единственное назначеніе — производить законныхъ дѣтей, законныхъ наслѣдниковъ отцовскаго имущества. По этой то именно причинѣ она и наказывается за нарушеніе вѣрности, потому что этимъ поступкомъ она подвергаетъ сомнѣнію законность дѣтей, предназначенныхъ къ наслѣдованію имущества.

Моногамія

Такая форма брака, появляющаяся только съ развитіемъ патріархальнаго рода, называется моногаміей, т. е. единобрачіемъ. Мы видимъ такимъ образомъ, что эта форма предполагаетъ истинное единобрачіе только со стороны жены. Полное единобрачіе можетъ существовать только тогда, когда оно осуществляется для обѣихъ сторонъ и для мужа, и для жены. Такая форма брака, т. е. полная моногамія, еще и теперь не представляетъ зауряднаго явленія.

Мы рассмотрѣли теперь, какимъ образомъ измѣнялись формы брака, и какъ изъ нихъ произошла та семья, которая существуетъ еще и теперь. Но къ этому нужно еще прибавить, что формы эти значительно измѣняются у

различныхъ народовъ, смотря по условіямъ ихъ жизни. Мы отмѣтили только главныя формы, рѣзко отличающіяся одна отъ другой; но между ними существуетъ множество переходныхъ, въ которыхъ та или иная особенность выступаетъ не такъ рѣзко, такъ что ихъ трудно отнести къ одной изъ тѣхъ формъ, которыя мы разобрали. Мы уже указывали отчасти на то, что измѣненія формъ семьи находятся въ зависимости отъ измѣненія условій существованія народа. Такъ, напримѣръ, патриархальная семья обыкновенно существуетъ у народовъ, ведущихъ преимущественно пастушескую, кочевую жизнь, и обыкновенно приходитъ въ упадокъ съ переходомъ народа къ осѣдлой жизни и съ развитіемъ этихъ новыхъ условій существованія. Мы видѣли тоже раньше, что народы земного шара живутъ даже на низшихъ ступеняхъ при очень различныхъ условіяхъ, такъ что подводить ихъ всѣхъ подъ одну мѣрку нельзя. И если при всемъ томъ мы находимъ, что формы семьи у всѣхъ народовъ поразительно сходны между собою, то это должно объясняться тѣмъ, что и въ условіяхъ существованія всѣхъ этихъ народовъ есть много сходнаго, не смотря на нѣкоторыя внѣшнія различія.

Сходство въ жизни всѣхъ первобытныхъ народовъ основывается на томъ, что всѣ они необходимо должны были для поддержанія своего существованія соединяться въ большія группы и общими силами добывать себѣ пищу, одежду, жилище и все необходимое. Если мы представимъ себѣ такую большую группу людей, то увидимъ, что она непременно должна будетъ въ концѣ концовъ представлять какую-нибудь группу родственниковъ. Если бы тамъ первоначально даже и не было родственниковъ, то по прошествіи многихъ лѣтъ эти не-родственники повымерли бы, и съ каждымъ поколѣніемъ родныхъ другъ другу людей было бы все больше и больше.

Какъ измѣняются съ теченіемъ времени эти группы родственниковъ, мы уже рассмотрѣли. Теперь мы видимъ,

стало быть, что каковы бы ни были причины, заставляющія людей соединяться въ большія группы, всегда это соединеніе выражается на первобытныхъ ступеняхъ въ формѣ той или другой семейной группы. Само собою разумѣется, что семью нужно тутъ понимать въ первобытномъ смыслѣ

Разсмотримъ теперь тѣ условія, которыя заставляли людей соединяться въ крупныя группы. Мы уже знаемъ, что только работа общими силами могла поддержать человѣческое существованіе. Намъ нужно, слѣдовательно, нѣсколько ближе рассмотретьъ, какія именно занятія объединяли людей такимъ образомъ.

**Общинная
охота
и рыбная
ловля**

Здѣсь прежде всего мы встрѣчаемъ общинную охоту и рыбную ловлю. Въ Африкѣ и Австраліи мы находимъ, на примѣръ, такой способъ охоты. Животныхъ окружаютъ цѣлою толпою и гонятъ по опредѣленному направленію прямо на вооруженныхъ охотниковъ, которые бросаютъ въ нихъ копья и убиваютъ иногда такое большое количество, что и общими силами не могутъ всѣхъ съѣсть. Загоняютъ животныхъ обыкновенно женщины и дѣти, а взрослые мужчины бьютъ ихъ. Всѣ участники, которые, какъ видно, составляютъ опять таки семью, пользуются добычей. Обыкновенно послѣ счастливой охоты устраивается большая пирушка. Раскладываютъ костры, рѣжутъ животныхъ, выбравъ изъ нихъ самыхъ лучшихъ, и съѣдаютъ вмѣстѣ; а остальную добычу дѣлятъ на части, и она составляетъ запасъ до слѣдующей охоты.

Иногда для загона животныхъ пользуются огнемъ: поджигаютъ сухую траву и мелкій кустарникъ; вѣтеръ гонитъ огонь въ одну опредѣленную сторону; испуганныя животныя бѣгутъ на ожидающихъ охотниковъ, и начинается бойня. Но при этомъ иногда и охотникамъ приходится плохо, если между животными окажется какой-нибудь звѣрь въ родѣ льва и леопарда.

Иногда для охоты вырываютъ общими силами огромную глубокую яму; отъ краевъ ямы строятъ по обѣимъ сторонамъ заборъ такой вышины, чтобы животное не могло перескочить черезъ него; животныхъ загоняютъ въ это загороженное пространство и гонятъ; охотники ждутъ съ

копьями около ямы и бьютъ животныхъ, которыя валятся въ яму и давятъ другъ друга; добыча дѣлится по прежнему.

Всѣ эти способы общинной охоты даютъ возможность получать большую добычу при помощи очень простаго оружія. Мы видѣли, что для такой охоты нужно только одно копье, да еще для рытья ямы нужна лопата.

Съ изобрѣтеніемъ лука, который даетъ возможность бить животныхъ на большомъ разстояніи, нѣкоторыя изъ такихъ приспособленій охоты становятся не такъ необходимы. Загонщиковъ нужно меньше, потому что уже не требуется того, чтобы животное шло прямо на охотника, а достаточно и того, если оно пойдетъ отъ него на нѣкоторомъ разстояніи. Яма тоже дѣлается почти не нужна. Въ такой общинной охотѣ иногда принимаютъ участіе цѣлыя многочисленныя племена. Такъ, на примѣръ, въ Америкѣ индѣйцы охотятся на бизоновъ цѣлымъ племенемъ. Для такой охоты у нихъ выбирается начальникъ изъ самыхъ опытныхъ охотниковъ; онъ распредѣляетъ занятіе между всѣми участниками, раздѣляетъ ихъ на партіи и по окончаніи охоты дѣлитъ добычу.

Въ дѣлежѣ добычи уже установленъ опредѣленный порядокъ, которымъ этотъ начальникъ долженъ руководиться, и никто изъ участниковъ не бываетъ обдѣленъ; всѣ получаютъ свою долю. Добыча при этомъ не считается собственностію отдѣльныхъ лицъ, а принадлежитъ всему племени. Поэтому при дѣлежѣ руководятся не тѣмъ, сколько кто убилъ животныхъ, а тѣмъ, у кого какая семья. У кого семья больше, тотъ больше и получаетъ. Если послѣ этого окажется, что у кого-нибудь запасъ мяса выйдетъ раньше, то тотъ, у кого онъ еще остался, долженъ непременно подѣлиться съ нимъ своимъ запасомъ.

Этотъ дѣлежъ добычи напоминаетъ раздѣлъ земли между нашими крестьянами — общинниками: у нихъ тоже земля дѣлится такъ, чтобы на каждую душу пришлось поровну; у кого въ семьѣ больше душъ (мужскаго пола), тотъ больше и получаетъ.

Въ рыбной ловлѣ тоже не мало такихъ вещей, которыя заставляютъ ловить рыбу общими силами.

Такъ какъ рыбная ловля обыкновенно бываетъ тогда, когда рыба движется по водѣ крупными массами, то и справляться съ нею приходится, понятно, сообща. Всѣ приспособленія для ловли ея таковы, что одному человѣку справиться невозможно. На островахъ Тонга и Фиджи въ Австраліи ловятъ рыбу громадными сѣтями; для такой ловли необходима совмѣстная работа многихъ. И закинуть то такую сѣть не легко, а вытащить ее съ большой добычей рыбы — несравненно труднѣе.

Въ другихъ мѣстахъ для ловли рѣчной рыбы кромѣ сѣтей употребляютъ слѣдующій способъ: поперекъ рѣки устраиваютъ заколь, забивая въ дно рѣки колья; этотъ заколь преграждаетъ движеніе рыбы по рѣкѣ и оставляетъ для нея только одно небольшое отверстіе. Въ это отверстіе опускаютъ корзины, рыба заходитъ въ нихъ, и корзину съ добычей вынимаютъ. Такіе заколы сооружаются общими силами, и потому рыба, пойманная этимъ способомъ, дѣлится между всѣми участниками ловли поровну, хотя бы корзина и принадлежала только одному хозяину.

Въ другихъ случаяхъ заставляютъ прибѣгать къ совмѣстной ловлѣ еще и различныя другія обстоятельства: такъ на примѣръ, ловля крупныхъ породъ рыбъ, китовъ, кашелотовъ, тюленей и проч. выполняется цѣлыми группами охотниковъ.

Для ловли китовъ собираются обыкновенно большія компаніи и отправляются на лодкахъ въ море. Кита преслѣдуютъ на лодкахъ и бросаютъ въ него массу копій; онъ ныряетъ, но черезъ нѣкоторое время снова показывается на поверхности воды; тогда въ него снова бросаютъ копья и продолжаютъ преслѣдованіе до тѣхъ поръ, пока не убьютъ его. Добыча обыкновенно не дѣлится между всѣми участниками, а каждый самъ беретъ, что хочетъ и сколько успѣетъ.

Способъ охоты на тюленей очень похожъ на только что описанный; только лодки компаніи охотниковъ разсыпаются въ разныя стороны, чтобы при вторичномъ появленіи тюленя добить его, гдѣ бы онъ ни выплылъ. Наловленные тюлени опять дѣлятся поровну между всѣми участниками.

Перечислять всѣ многочисленные способы рыбной ловли общинами довольно трудно: лученье, багренье, глушение рыбы зимою подо льдомъ и множество другихъ — всѣ они ведутъ къ общинной работѣ.

Всѣ эти способы, существовавшіе въ прежнія времена, сохранились до нашихъ дней, и не только у первобытныхъ дикихъ народовъ, но даже и у насъ въ Россіи живутъ до послѣдняго времени. Конечно, сохранились они только тамъ, гдѣ особенно благоприятны условія для рыбной ловли: по берегамъ морей, по большимъ рѣкамъ и на озерахъ. Въ прежнія времена, напримѣръ, у Уральскихъ казаковъ существовали такіе способы рыбной ловли; она велась крупными компаніями, и добыча дѣлилась между всѣми участниками.

Совершенно такую же совмѣстную работу многихъ мы находимъ и въ земледѣліи. Общинное
земледѣліе

Мы говорили уже раньше, что на низшихъ ступеняхъ земледѣліе было по преимуществу занятіемъ женщинъ, между тѣмъ какъ мужчины занимались охотой и рыбной ловлей. Такъ, въ Австраліи, напримѣръ, женщины собираютъ маисъ, корни и другіе припасы, смотря по времени года. Въ Африкѣ точно также женщины и дѣти сѣютъ и собираютъ жатву. Въ Америкѣ земледѣльческія работы исполняются женщинами, причемъ распредѣляетъ работу начальница; она раздаетъ сѣмена для посѣва, назначаетъ время сбора хлѣба и прочее. Весь сборъ хлѣба дѣлится точно такъ же, какъ и добыча охоты или рыбной ловли, между всѣми семействами, участвовавшими въ обработкѣ и сборѣ хлѣба.

Когда земледѣліе стало однимъ изъ главныхъ источниковъ пропитанія, то расширеніе площади посѣва повело къ тому, что особенно важное значеніе стали имѣть работы, подготовляющія почву для обработки подъ хлѣбъ. Приходилось сводить лѣса, въ которыхъ стало уже значительно меньше дичи, чтобы обратить эти лѣсныя пространства въ пашни, которыя стали гораздо выгоднѣе. Для этого пользовались огнемъ; деревья рубили и потомъ, когда они уже достаточно высохали, поджигали ихъ. Образовавшаяся

зола служила кромѣ того и хорошимъ удобреніемъ земли, такъ что посѣвы давали обильную жатву. Само собою разумѣется, что такая трудная работа, какъ рубка лѣса, особенно при тѣхъ первобытныхъ орудіяхъ, которыми могли пользоваться люди, не могла исполняться однимъ человѣкомъ, а требовала содѣйствія многихъ. Такой способъ земледѣлія былъ извѣстенъ въ глубокой древности и былъ распространенъ повсюду, гдѣ только были лѣса. Мы его встрѣчаемъ и въ Африкѣ, и въ Америкѣ еще и теперь; въ Европѣ въ прежнія времена онъ былъ широко распространенъ, и теперь еще онъ существуетъ въ Россіи въ лѣсныхъ мѣстахъ почти въ томъ же видѣ; разница только въ томъ, что сначала сводится лѣсъ и вывозятся дрова, а потомъ сжигаются только оставшіеся пни, которые обыкновенно выворачиваютъ изъ земли, выкорчевываютъ, чтобы удобнѣе было сжечь ихъ; да кромѣ того наши крестьяне имѣютъ возможность пользоваться хорошими желѣзными топорами, такъ что работа эта бываетъ подъ силу даже небольшому количеству работниковъ. Совмѣстная работа по выжиганію лѣса конечно вела и къ совмѣстному пользованію приготовленной для земледѣлія землей.

Первоначально эта работа опять предоставлялась женщинамъ, которыя уже сами распредѣляли между собою работы по обработкѣ приготовленной земли. Съ теченіемъ времени и земледѣліе сдѣлалось занятіемъ преимущественно мужчинъ, оставивъ женщинамъ только домашнее хозяйство. О томъ какъ это случилось, мы уже говорили.

Многія хлѣбныя растенія, какъ напримѣръ рисъ, требуютъ хорошаго орошенія, и поэтому важное значеніе въ хозяйствѣ получаетъ забота объ устройствѣ искусственнаго орошенія, если почва оказывается недостаточно влажна.

Уже въ очень древнія времена мы находимъ у Египтянъ, Ассирійцевъ, Вавилонянъ, Индійцевъ, Китайцевъ и др. народовъ искусственныя и очень крупныя сооруженія этого рода.

Въ высокихъ мѣстахъ рылись огромныя пруды, въ которыхъ скоплялась дождевая вода; изъ этихъ прудовъ шли многочисленныя каналы, которые проводили воду по

всѣмъ полямъ въ то время, когда было сухо и растенія требовали влаги.

Иногда устраивались даже искусственныя сооруженія для подъема воды на такое возвышенное мѣсто, откуда она могла бы расходиться по полямъ.

Конечно, и эти всѣ сооруженія требовали совмѣстной работы очень многихъ людей. Мало того, для того, чтобы это сооруженіе приносило ту пользу, которую оно имѣло въ виду, нужно было постоянно поддерживать его, чистить пруды и каналы; нужно было все время слѣдить какъ за полями, такъ и за тѣмъ, чтобы кто-нибудь не задерживалъ воды у себя, не пуская ее на ниже лежащее поле, отчего пострадалъ бы ни въ чемъ не виноватый участникъ этого же сооруженія. Словомъ, здѣсь требовалась постоянная, совмѣстная и строго расчитанная работа. Малѣйшее нарушеніе правильности могло повести къ тому, что у многихъ погибли бы всѣ посѣвы.

Поэтому въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существовали такія оросительныя сооруженія, мы находимъ также и лицъ, которыя завѣдуютъ ими, распоряжаются не только пользованіемъ, но и работами по постройкѣ и ремонту этихъ сооруженій. Завѣдующій ими уже не могъ самъ участвовать въ работѣ; ему не хватало на это времени; но все-таки онъ получалъ со всѣхъ участниковъ нѣкоторую долю добытаго общимъ трудомъ хлѣба. Его трудъ получалъ даже особенную цѣну, потому что только при его распоряжительности достигалась необходимая стройность всей системы и порядокъ въ работахъ. Отъ него требовалось не мало опытности, знанія и труда, и за то онъ получалъ даже довольно большую долю добытаго всѣми продукта. Онъ, конечно, долженъ былъ пользоваться нѣкоторою властью, которая прямо вытекала изъ его обязанностей. Онъ не могъ объяснять каждому, почему нужно было дѣлать то или другое, а просто требовалъ исполненія своихъ приказаній. Ему давалась поэтому и власть наказывать тѣхъ, которые не хотѣли ему подчиняться.

Уже съ самаго начала такой начальникъ долженъ былъ выбирать подходящаго человѣка, чтобы передать ему

свои знанія и опытность; этому человѣку онъ передавалъ свою должность, если по старости уже не могъ ее исполнять, и народъ обыкновенно признавалъ новаго начальника, потому что никто не могъ сдѣлать лучшаго выбора: да и возможно ли было не вѣрить выбору того, кто только и зналъ всѣ тонкости своего дѣла? Но уже въ самыя древнія времена такой начальникъ обыкновенно передавалъ свои занятія кому-нибудь изъ сыновей своихъ или родственниковъ, и потому вошла въ обычай передача такихъ должностей по наслѣдству.

Съ теченіемъ времени изъ такихъ наслѣдственныхъ должностей образовались наслѣдственные правители, цари, передающіе свою власть по наслѣдству. Они были обыкновенно и военачальниками.

Конечно, могло случиться и такъ, что сынъ такого начальника оказывался малоспособнымъ къ исполненію тѣхъ обязанностей, которыя лежали на немъ; тогда обыкновенно народъ выбиралъ самъ изъ своей среды болѣе способнаго, а перваго смѣщалъ. Такимъ образомъ шло дѣло напримѣръ въ Египтѣ, гдѣ одно поколѣніе (династія) царей смѣнялось другимъ.

Съ теченіемъ времени такая смѣна становилась все рѣже и рѣже, и правители дѣлались все болѣе и болѣе наслѣдственными.

Мы остановились особенно подробно на этомъ явленіи, потому что оно распространено было во многихъ странахъ въ древности, и то же самое нашли евротейцы въ Америкѣ, въ Мексикѣ и Перу, гдѣ культура стояла на сравнительно довольно высокой ступени. И въ той, и въ другой странѣ въ тѣ времена были уже крупныя сооруженія для искусственнаго орошенія почвы, и тамъ въ общихъ чертахъ оказывается такой же общественный строй, каковъ былъ и въ странахъ древняго міра, гдѣ существовали такія же системы орошенія. Этотъ случай показываетъ намъ особенно ясно, какъ складывается мало по малу довольно сложное государство, возникая изъ насущныхъ потребностей населенія.

Но возвратимся къ нашимъ общественнымъ работамъ.

Нѣтъ, конечно, возможности перечислить всѣ мелкія занятія, въ которыхъ многимъ людямъ приходилось помогать другъ другу.

Мы уже говорили раньше, что добываніе огня требовало такой совмѣстной работы; и въ добываніи его мы находимъ опять ту же группу родственниковъ. У каждаго изъ родовъ въ старину существовалъ свой очагъ, на которомъ поддерживался огонь. Отъ него брали себѣ огонь всѣ родичи, когда имъ это было необходимо.

Но было еще одно дѣло, которое нуждалось въ такомъ сотрудничествѣ въ довольно большихъ размѣрахъ, — это именно постройка жилищъ.

Общинныя
постройки

Конечно, сначала, когда жилища были очень просты и устраивались не на долго, такихъ большихъ работъ не могло быть. Но когда люди сдѣлались осѣдлыми, то постройка такихъ жилищъ, гдѣ могли бы помѣститься всѣ родичи, сдѣлалась очень важнымъ и труднымъ дѣломъ. Такимъ именно образомъ общими усиліями строились и строятся большія жилища во всѣхъ частяхъ свѣта у первобытныхъ народовъ. Иногда въ такомъ домѣ могутъ помѣститься до 700 человекъ народу — размѣры очень почтенные для первобытнаго человѣка, не имѣющаго еще хорошихъ орудій.

Для примѣра приведемъ образчикъ, какъ строятся дома у американскихъ краснокожихъ. Мужчины обыкновенно готовятъ главный деревянный остовъ дома, а женщины готовятъ изъ золы, глины и угля штукатурку, которой обмазываютъ домъ.

Такіе построенные общими силами дома составляютъ общественную собственность, т. е. въ нихъ живутъ всѣ, участвовавшіе въ постройкѣ. Стало быть и здѣсь мы видимъ, что пользованіе плодами общихъ усилій принадлежитъ всѣмъ.

Въ Австраліи бываетъ иногда такъ, что, кромѣ общихъ жилищъ, мужчины или женщины отдѣльно строятъ для себя дома. Тогда такія построенныя, напримѣръ, мужчинами жилища недоступны для женщинъ. Они дѣлаются для женщинъ и для всѣхъ вообще, не участвующихъ въ

постройкѣ, табу*), и никто изъ постороннихъ не осмѣливается въ нихъ входить.

Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ видно, что, если работа ведется сообща, то всѣ участники пользуются тѣмъ, что добыто ихъ общими силами. Мы видимъ, стало быть, что общая работа ведетъ и къ общему пользованію продуктомъ этой работы.

Но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что это общее пользованіе сильно отличается отъ нашей теперешней собственности.

Мы видѣли, что добыча, напримѣръ, охоты дѣлится между всѣми участниками, но даже и эти части не могутъ считаться полною собственностью. Если у кого-нибудь послѣ дѣлежа выйдетъ все мясо, то тѣ, у которыхъ оно осталось, непременно должны подѣлиться съ неимущими своимъ запасомъ. Выходитъ стало быть, что получившій свою часть не можетъ все еще быть увѣренъ, что она вся ему принадлежитъ, пока онъ ее не съѣстъ. Между тѣмъ у насъ собственность тѣмъ именно и отличается, что никто не можетъ предъявлять на нее своихъ правъ.

Кромѣ того, наша собственность отличается еще тѣмъ, что хозяинъ можетъ продать ее, между тѣмъ какъ у этихъ народовъ продажа и покупка совершенно еще неизвѣстны: имъ некому продавать и не отъ кого покупать что бы то ни было.

Происхожденіе торговли

Намъ нужно стало быть теперь посмотрѣть, какимъ образомъ произошла покупка и продажа, т. е. торговля.

Первоначально, когда народы жили замкнутой жизнью и все приготовляли сами для себя, никакого обмѣна не могло существовать. Добытый общими силами продуктъ дѣлился между всѣми, и всѣ довольствовались тѣмъ, что имѣли.

Всякій другой народъ считался непременно врагомъ, и потому между ними не могло происходить обмѣна. Могъ

*) Слово это означаетъ, что вещь, на которую наложено табу, дѣлается неприкосновенною. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и люди бываютъ табу.

быть только грабежъ чужого имущества, и такой грабежъ въ древности дѣйствительно существовалъ; его вовсе не считали дурнымъ дѣломъ, а охотно даже хвастали тѣмъ, кто что награбилъ. Но грабили другъ друга всѣ народы, и тотъ, кому удалось грабежомъ добыть себѣ имущество, всегда могъ ожидать, что и на него нападетъ сосѣдній народъ и тоже не поцеремонится отнять отъ него все, что ему понравится.

Такое напряженное положеніе всѣхъ народовъ начало мало по малу переходить въ болѣе мирныя отношенія. Народы начинаютъ мѣняться между собою своими произведеніями. Одинъ народъ даетъ то, чѣмъ онъ особенно богатъ и въ чемъ ему уже нѣтъ особенной нужды, и получаетъ взамѣнъ того отъ другого народа его богатства, которыхъ онъ самъ не имѣетъ.

Мы видѣли уже раньше, что одни народы преимущественно занимались скотоводствомъ, другіе земледѣліемъ, охотой, рыбной ловлей и различными другими промыслами, смотря по мѣстности. Особенно широко было распространено скотоводство, и потому мы находимъ, что въ различныхъ мѣстахъ эти пастушескіе народы вступали въ обмѣнъ со своими сосѣдями.

Такъ какъ имъ постоянно приходилось мѣнять свой скоть на продукты другихъ народовъ, то они уже очень скоро начали мѣрять цѣну покупаемаго на количество даннаго въ замѣнъ скота. Скоть сталъ служить такимъ образомъ деньгами. У многихъ народовъ деньги и скоть называются однимъ именемъ. Стали говорить, что, напримѣръ, такая то вещь стоитъ 20 воловъ и т. под. Грабежъ все еще продолжалъ существовать, но уже завязывались болѣе мирныя отношенія.

Такъ какъ невозможно было каждому народу доставать все необходимое прямо обмѣномъ съ другими народами, потому что тогда ему пришлось бы добывать однѣ вещи у одного народа, а другія у другого, что было довольно хлопотливо, то вскорѣ появились на свѣтѣ купцы, которые тѣмъ только и занимались, что перевозили товары одного народа къ другому, тамъ ихъ вымѣнивали на дру-

Купцы

гіе товары и опять везли эти новые товары къ третьему или къ тому же народу.

Эти купцы должны были проводить всю свою жизнь въ странствованіяхъ, переходя отъ одного народа къ другому. Всюду они были людьми чужими; но имъ всюду были рады, потому что всюду была нужда въ томъ или другомъ товарѣ. Поэтому имъ оказывали обыкновенно радушный пріемъ и охраняли, чтобы кто нибудь не ограбилъ ихъ. Такимъ образомъ купцы были гостями, какъ они у насъ въ старину и назывались; гостиный дворъ еще до сихъ поръ напоминаетъ намъ объ этой старинѣ.

Куна-
чество

Первоначально, когда только начали завязываться между народами такія сношенія, очень важно было, чтобы попавшій въ чужой народъ человѣкъ нашелъ себѣ защиту. Весь народъ такой защиты не оказывалъ, а потому нужно было обратиться къ отдѣльнымъ лицамъ. Отдѣльныя лица вступали въ договоръ, чтобы защищать другъ друга и давать другъ другу пріютъ, когда одинъ пріѣдетъ въ область народа, къ которому принадлежитъ другой. Они были другъ для друга гостями, какъ у насъ иногда говорятъ, кунаками. Въ самыхъ древнихъ памятникахъ человѣческой письменности мы находимъ уже слѣды такого установленія и тѣ же явленія наблюдаемъ въ жизни дикихъ народовъ.

Только у дикихъ народовъ соблюдается это куначество еще очень слабо. Гости угощаютъ и охраняютъ только пока онъ находится въ домѣ, а лишь только онъ вышелъ изъ хижины, съ нимъ не церемонятся иногда такъ-же, какъ и со всякимъ другимъ совершенно чужимъ человѣкомъ: его такъ-же могутъ ограбить, какъ и другого.

Купцы, понятно, могли появиться только тогда, когда уже куначество было довольно надежно. Только тогда имъ было возможно надѣяться на то, что товары ихъ не будутъ разграблены; а то не изъ чего было бы хлопотать, если бы товары легко могли пропасть для купца безъ всякой пользы. Ему и безъ того нерѣдко приходилось терять свои товары на пути, потому что грабить еще не перестали, а купцы представляли довольно лакомый кусочекъ.

Мы видѣли уже раньше, что въ древности торговля шла преимущественно морскимъ путемъ. Сухопутныя дороги были еще очень плохи, и потому только вода и облегчала сообщеніе.

Теперь появились на свѣтѣ цѣлые народы, которые занимались почти исключительно морской торговлей. Такимъ торговымъ народомъ въ древности были, напр., финикіяне. Жили они въ такой мѣстности, гдѣ невозможно было заниматься ни скотоводствомъ, ни земледѣіемъ, и потому они уже въ глубокой древности сдѣлались искусными моряками и даже сильно разбогатѣли отъ своей торговли. Но вмѣстѣ съ развитіемъ морской торговли развивался и морской разбой, тоже хорошо извѣстный въ древности.

Торговля была дѣломъ небезопаснымъ, и купцамъ приходилось нерѣдко заводить съ своими врагами, морскими разбойниками, довольно ожесточенныя битвы, или безъ оглядки убѣгать въ какое нибудь безопасное мѣсто на ближайшемъ берегу. Въ древности нерѣдко бывали такіе случаи, когда морскіе разбойники держали въ страхѣ не только морскихъ торговцевъ, а даже и цѣлыя приморскія страны.

Теперь, когда морская торговля и вообще торговля международная сильно распространилась, уже неудобно было прямо мѣнять одни товары на другіе; тѣмъ болѣе неудобно было мѣнять товары на скоть, который служилъ первоначально деньгами. Нужно было найти такой товаръ, который былъ бы всюду нуженъ и при томъ былъ бы настолько удобенъ, чтобы его можно было легко переносить.

Вскорѣ такой товаръ нашелся — это были драгоценные металлы: золото и серебро. Ихъ всюду съ радостью брали и переносить ихъ было довольно легко. Кромѣ того, этотъ товаръ совершенно не портился.

Вскорѣ научились легко измѣрять цѣну всѣхъ другихъ товаровъ на вѣсъ золота и серебра, а потомъ стали и чеканить золотыя и серебряныя монеты опредѣленнаго вѣса. Такимъ образомъ произошли деньги, которыя и до сихъ поръ ходятъ по всему свѣту.

Возникно-
веніе
денегъ

Когда обмѣнъ товаровъ между народами сталъ увеличиваться, то онъ мало по малу сталъ распространяться и въ глубь отдѣльныхъ народовъ.

Одна мѣстность стала обмѣниваться съ другою своими произведеніями, и произошла внутренняя торговля.

Мы видѣли уже раньше, что въ прежнія времена народы жили родами.

Теперь эти роды стали обмѣниваться своими произведеніями. Одинъ занимался по преимуществу однимъ промысломъ, другой другимъ; и у того и у другого оказывался нѣкоторый излишекъ его произведеній, который былъ полезенъ для другихъ; и вотъ между ними происходила мѣна. Съ теченіемъ времени, когда роды стали меньше, они продолжали такимъ же образомъ мѣняться своими произведеніями.

Чѣмъ дальше шло такое раздѣленіе труда, тѣмъ больше добывалось продуктовъ, такъ какъ теперь не приходилось каждому готовить себѣ все необходимое, что онъ могъ достать гораздо дешевле за деньги. Каждый теперь могъ сосредоточиться на томъ занятіи, которое онъ всего лучше зналъ и для котораго у него имѣлись самыя благопріятныя условія. Такимъ образомъ у каждого складывалось свое отдѣльное хозяйство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и старый родъ дробился на болѣе мелкія семьи, которыя теперь уже стали совершенно независимы одна отъ другой. Такимъ именно путемъ и произошло то разрушеніе древняго рода, о которомъ мы говорили выше. По этимъ же причинамъ произошли и описанныя выше измѣненія въ формѣ брака.

Это же раздѣленіе труда развило въ древнемъ мірѣ, въ Греціи и Римѣ, рабство. Трудъ чело-вѣческой теперь сдѣлался значительно производительнѣе, и потому работа раба сдѣлалась особенно выгодна.

Каждый свободный, пользуясь услугами нѣсколькихъ рабовъ, могъ существовать совершенно безбѣдно, даже не занимаясь самъ никакой работой, которая бы доставляла ему средства къ жизни. Все это дѣлали рабы, а хозяинъ занимался либо войной, которая давала ему богатую добычу, либо употреблялъ свой досугъ на из-

ученіе наукъ, на литературную работу или на какія-нибудь удовольствія.

Рабство только и могло въ древнемъ мірѣ дать возможность развиться и наукамъ, и искусствамъ, и литературѣ до той высокой степени, какой достигли они въ древней Греціи и Римѣ.

Мы сказали раньше, что сначала существовала международная торговля, а потомъ уже и внутренняя, между людьми того же народа. Но этого не нужно понимать такимъ образомъ, чтобы непременно должна была сильно развиться внѣшняя торговля, а потомъ уже являлась внутренняя. И та, и другая развиваются обыкновенно вмѣстѣ. Но для внутренней торговли въ древнія времена было то препятствіе, что народы жили большими группами, родами. Все добытое такимъ родомъ, а иногда даже и цѣлымъ племенемъ, составляло достояніе всѣхъ, а потому и обмѣнъ продуктовъ между всѣми членами такой большой группы существовать не могло.

При такихъ условіяхъ возможенъ обмѣнъ только между отдѣльными большими группами, а такъ какъ въ старину жизнь не была такъ разнообразна, какъ теперь, и народъ жилъ на обширныхъ пространствахъ почти совершенно одною жизнію, то и понятно, что обмѣнъ могъ начаться только между народами, ведшими различный образъ жизни. А такіе народы жили обыкновенно далеко другъ отъ друга, такъ какъ только рѣзко различныя условія существованія разнообразили тогда жизнь первобытнаго человѣка. Съ этихъ-то отдаленныхъ другъ отъ друга народовъ и начался обмѣнъ.

Чѣмъ болѣе съ теченіемъ времени разнообразилась человѣческая жизнь, чѣмъ больше отвоевывалъ себѣ человѣкъ отъ природы, тѣмъ сильнѣе развивалась и торговля. Она переносила продукты одной мѣстности въ другую, и такимъ образомъ каждый, занимаясь чѣмъ нибудь однимъ, могъ получать въ обмѣнъ на свои продукты все то, въ чемъ онъ самъ нуждался. И до сихъ поръ существуетъ то же самое. И внутренняя, и внѣшняя торговля развиваются все больше и больше. Огромные океаническіе пароходы

развозять товары по всѣмъ частямъ свѣта, а желѣзныя дороги перевозятъ ихъ изъ страны въ страну.

Человѣкъ не перестаетъ изобрѣтать различныя усовершенствованія во всѣхъ областяхъ жизни, и она становится все разнообразнѣе и разнообразнѣе. Все это даетъ еще большую пищу для развитія торговли. Но разбирать все это было бы слишкомъ долго, и это не входитъ въ нашу задачу.

О томъ, какъ развивается въ человѣческомъ обществѣ раздѣленіе труда, какъ растетъ при этомъ разнообразіе и количество продуктовъ и какъ происходитъ обмѣнъ этихъ продуктовъ посредствомъ денегъ — все это разбираетъ особая наука, называемая политической экономіей. А для насъ важно пока только то, какъ люди пришли къ тому, что стали обмѣниваться продуктами, и какъ они при этомъ изобрѣли деньги.

III.

Умственная жизнь первобытнаго человѣка.

До сихъ поръ мы ни слова не говорили о томъ, что нашъ первобытный человѣкъ умѣеть точно также и говорить. У него есть свой языкъ, которымъ онъ пользуется для передачи мыслей своимъ собратьямъ. Языкъ

Языкъ — это одно изъ величайшихъ человѣческихъ изобрѣтеній, которое совершено въ незапамятной сѣдой старинѣ. Нѣтъ на свѣтѣ ни одного народа, который бы не умѣлъ говорить, а потому намъ приходится только догадываться, какимъ образомъ человѣкъ дошолъ до такого изобрѣтенія.

Вопросъ о происхожденіи языка интересовалъ человѣка съ самыхъ древнихъ временъ, и никто не могъ себѣ объяснить, какъ сталъ человѣкъ говорить. Одни успокаивались на томъ, что говорили, будто ужъ по своей природѣ человѣкъ говорить. Но тогда отчего всѣ говорятъ на разныхъ языкахъ? Коли природа одна, такъ и языкъ долженъ быть одинъ. Другіе, напротивъ, для того чтобы объяснить разнообразіе языковъ, говорили, будто люди согласились называть одну вещь такъ, а другую иначе. Но тутъ опять является затрудненіе: какъ они могли условиться, если еще не умѣли говорить?

Чтобы разрѣшить вопросъ о происхожденіи языка, мы должны обратиться къ разсмотрѣнію того, какъ человѣкъ говорить.

Почти всякое животное может производить какиенбудь звуки совершенно произвольно. Пѣніе и чириканье птицъ, лай собаки, мычанье коровы, ржаніе лошади — все это звуки, производимые различными животными по тѣмъ или другимъ поводамъ. Мы даже привыкли отличать тѣ причины, которыя заставляютъ животныхъ производить, смотря по обстоятельствамъ, различныя звуки. Мы можемъ отличить веселый лай собаки отъ ея испуганнаго завыванія, отъ злого лая на чужого человѣка. Опытные охотники умѣютъ отличать по лаю гончихъ, гонять ли они зайца, лисицу или волка.

Эти звуки, производимые различными причинами, по тому самому получаютъ и различный смыслъ. Но отъ нихъ всетаки еще очень далеко до человѣческаго языка.

Человѣческая рѣчь отличается отъ звуковъ животныхъ между прочимъ тѣмъ, что человѣкъ можетъ производить при помощи своихъ органовъ рѣчи очень большое разнообразіе звуковъ, и притомъ можетъ ихъ соединять въ цѣлыя группы звуковъ, которыя мы называемъ словами.

Физическое строеніе органовъ рѣчи (легкихъ, гортани, языка и пр.) составляетъ первое необходимое условіе развитія человѣческаго языка. Безъ него, конечно, невозможенъ человѣческій языкъ.

Но нѣкоторыя животныя, точно также какъ и человѣкъ обладаютъ способностью говорить. Говорящія птицы могутъ воспроизводить довольно точно звуки человѣческаго языка, однако у самихъ нихъ не существуетъ такого языка какъ у человѣка, и они все-таки перекликаются между собою такими же отрывочными звуками, какъ и другія животныя. Стало быть одного физическаго строенія органовъ рѣчи еще очень мало. Оно составляетъ необходимое, но не достаточное условіе для созданія языка.

Чтобы понять возможность появленія языка, мы должны опять вспомнить условія существованія первобытнаго человѣка. Мы знаемъ, что онъ весь былъ погруженъ въ заботы о поддержаніи своего существованія. Мы знаемъ также, что уже на самыхъ низшихъ ступеняхъ своего существованія онъ пришелъ къ мысли общими си-

лами добывать себѣ пищу и защищать себя противъ враговъ. Вотъ въ этой общественной жизни только и могъ сложиться человѣческій языкъ.

Обладая органами, способными къ произнесенію разнообразныхъ звуковъ, человѣкъ все же еще не сразу могъ до созданія языка. Первоначально онъ пользовался тѣми же отрывочными криками, какъ и другія животныя. Крики радости, боли, страха и другихъ непосредственныхъ впечатлѣній, вырывавшіеся совершенно произвольно изъ груди человѣка, давали знать и другимъ людямъ о томъ, что ихъ собратья попадѣ въ одно изъ такихъ положеній, которыя вызывали эти крики. Условія жизни давали возможность другимъ людямъ почти безошибочно опредѣлять, что именно вызывало въ человѣкѣ такой непосредственный крикъ. Точно такъ же, какъ охотникъ по лаю опредѣляетъ, кого гонять собаки, такъ и человѣкъ по крику своего собрата легко, опредѣлялъ, наткнулся ли онъ на дикаго звѣря, или нашелъ какую-нибудь вкусную и обильную пищу. Зная, что другіе услышатъ и поймутъ его крикъ, человѣкъ естественно сталъ нарочно издавать тѣ или другіе звуки, чтобы подать вѣсть своимъ братьямъ.

Такимъ именно путемъ извѣстнымъ звукамъ присваивается опредѣленное значеніе. Значеніе звуковъ обыкновенно заключается въ окружающихъ условіяхъ.

Такъ-же дѣло обстоитъ и теперь, когда какое нибудь слово начинаетъ принимать новое значеніе. Люди вовсе не договариваются о томъ, какъ нужно понимать данные звуки; самая обстановка заставляетъ ихъ понимать слово именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно употреблено, и вслѣдствіе частаго повторенія того же самаго процесса за словомъ уже укрѣпляется то значеніе, которое хотѣлъ ему придать употребившій его въ первый разъ.

То же самое мы наблюдаемъ въ дѣтяхъ, выучивающихся говорить. Они начинаютъ понимать слова своихъ родителей только постепенно, и пониманіе это происходитъ отъ того, что при разговорѣ вниманіе ребенка привлекается къ опредѣленнымъ предметамъ, и онъ начи-

наеть понимать, что рѣчь идетъ именно о нихъ. Оттого происходятъ часто и ошибки дѣтей. Имѣя вокругъ себя множество предметовъ, они не всегда точно понимаютъ рѣчь своихъ родителей, и отсюда происходятъ ихъ ошибки которыя съ теченіемъ времени мало по малу разъясняются и наконецъ совершенно устраняются. Каждый изъ насъ можетъ припомнить, что нѣкоторыя слова онъ въ дѣтствѣ понималъ совсѣмъ не такъ, какъ ихъ понимаетъ теперь.

Но не только дѣти учатся отъ родителей языку, сами родители часто выучиваются языку своихъ дѣтей, т. е. употребляютъ тѣ слова, которыя придумали дѣти для обозначенія нѣкоторыхъ предметовъ. Такія дѣтскія слова иногда оказываются распространенными почти по всѣмъ странамъ земного шара; а это доказываетъ только то, что всюду существовали и существуютъ совершенно одинаковыя условія для созданія этихъ словъ, отчего и получаются совершенно одинаковые результаты.

Дѣти начинаютъ учиться произносить звуки обыкновенно съ губъ, и поэтому слоги ба, па, ма, почти всюду являются первыми словами ребенка. Значеніе, которое придается этимъ словамъ, естественно лежитъ въ условіяхъ его существованія: поэтому онъ ими называетъ своихъ родителей, которые въ это время ближе всѣхъ стоятъ къ нему. Па па и ма ма всегда относятся къ родителямъ, хотя и не всегда па па значитъ отецъ, а ма ма мать; у нѣкоторыхъ народовъ бываетъ наоборотъ.

Когда люди увидѣли такимъ образомъ, что звуки произносимые ими, оказываются понятными для другихъ, то у нихъ естественно могло возникнуть желаніе при извѣстныхъ обстоятельствахъ нарочно произносить опредѣленные звуки, чтобы тѣмъ вызвать опредѣленную мысль въ другомъ человѣкѣ.

Что необходимость такого общенія чувствовалась людьми, легко понять изъ того, что при постоянной совмѣстной работѣ часто приходилось одному давать вѣсть другому о томъ, въ какомъ положеніи находится его работа. Если напр. люди отправлялись цѣлой компаніей на охоту или разыскивали какихъ нибудь плодовъ, то первый

напавшій на слѣдъ животнаго или нашедшій много плодовъ, долженъ былъ какимъ нибудь образомъ дать знать о томъ своимъ товарищамъ, чтобы они помогли ему. Въ подобныхъ случаяхъ какое нибудь восклицаніе было какъ нельзя болѣе кстати.

Но восклицаніе это еще не языкъ въ собственномъ смыслѣ слова: значеніе восклицанія слишкомъ неопредѣленно; для того чтобы сдѣлаться словомъ восклицаніе должно приобрѣсти опредѣленное значеніе. Такое опредѣленное значеніе восклицаніе могло приобрѣсти только въ сочетаніи съ другими восклицаніями. Каждое слово въ языкѣ носитъ на себѣ слѣды такого сочетанія. Напр. слово „пожаръ“, кромѣ своего значенія, есть существительное имя, мужескаго рода, единственнаго числа, именительный падежъ; а все это значитъ, что, кромѣ значенія своего, слово это можетъ вступать съ другими словами только въ опредѣленные сочетанія. Это показываетъ намъ, что слово возникаетъ только изъ сочетанія. Слѣдовательно и человѣческой языкъ возникаетъ только тогда, когда первоначальныя восклицанія стали соединяться въ группы. А это предполагаетъ частое пользованіе звуками: человѣкъ, избрѣтшій языкъ, очевидно, жилъ въ атмосферѣ звуковъ, криковъ, восклицаній.

Но откуда же человѣкъ взялъ такое разнообразіе звуковъ, сочетаній, какое мы находимъ въ языкѣ? Прежде всего, особая эластичность и гибкость органовъ рѣчи человѣка давала возможность производить огромное количество разнообразныхъ звуковыхъ сочетаній. Далѣе, многіе предметы сами давали человѣку поводъ къ тому или другому названію, такъ какъ сами производили звуки. Такъ многія животныя названы были по тѣмъ крикамъ или звукамъ, которые сами производили. Кукушка, жукъ — прямо указываютъ на животныхъ, производившихъ крикъ ку-ку или жужжаніе. Такія звукоподражательныя слова распространены во всѣхъ языкахъ. Кудахтать, мяукать, пищать, квакать, крякать, жужжать и много другихъ словъ возникло именно такимъ путемъ. Наконецъ, когда у человѣка образовался нѣкоторый запасъ словъ,

то новыя слова образовывались изъ старыхъ при помощи всякаго рода измѣненій. Такъ идетъ дѣло и теперь: языки очень рѣдко создаютъ совершенно новыя слова, а по большей части пользуются тѣмъ запасомъ словъ, который уже существуетъ. Иногда человѣкъ придавалъ слову особенное значеніе тѣмъ, что произносилъ его другимъ тономъ или на-распѣвъ. Такъ у насъ и до сихъ поръ, чтобы показать, что какая-нибудь вещь находится очень далеко, просто повторяютъ слово „далеко“ два раза и при этомъ первое произносятъ на-распѣвъ, протягивая одинъ слогъ далѣ-ѣ-ко-далеко.

Понятно, что языкъ слагался очень медленно. Чѣмъ больше развивалась общественная жизнь, тѣмъ больше развивался и языкъ. Онъ долженъ былъ всегда служить орудіемъ общенія людей, и потому въ немъ должны были быть обозначенія тѣхъ предметовъ, утвари, орудій, различныхъ видовъ пищи и проч., съ которыми человѣку постоянно приходилось имѣть дѣло. Чѣмъ разнообразнѣе становилась эта обстановка, тѣмъ болѣе обогащался и языкъ.

Человѣческой умъ нашелъ возможность пользоваться языкомъ для выраженія своихъ мыслей, но съ другой стороны и самъ языкъ сдѣлался орудіемъ мысли. Онъ давалъ человѣку возможность выражать свои мысли въ словѣ, а самое это выраженіе мысли, придавая ей осязательную опредѣленность, выясняло ее и для того, кто ее высказалъ. Чувствуя подъ собою такую почву, умъ человѣка самъ подымался и развивался, и можно съ увѣренностью сказать, что безъ языка человѣкъ не могъ бы достигнуть тѣхъ результатовъ, которыхъ онъ достигъ теперь. При помощи языка старшее поколѣніе научало младшее всему тому, чему оно само научилось отъ предковъ, и тѣмъ облегчало дальнѣйшую работу надъ улучшеніемъ условій жизни человѣка.

Мы видѣли, какую роль играютъ при образованіи языка общія условія существованія народа. Теперь намъ не будетъ нисколько удивительно то обстоятельство, что люди говорятъ на различныхъ языкахъ. Это, напротивъ,

было даже неизбежно; если даже первоначально народъ говорилъ однимъ языкомъ, то съ теченіемъ времени, по мѣрѣ его распространенія по большому пространству, языкъ его необходимо начинаетъ измѣняться; первоначальный языкъ исчезаетъ, а на мѣсто его возникаетъ множество мѣстныхъ говоровъ или нарѣчій. Одинъ языкъ остается только для тѣхъ людей, которые постоянно находятся въ общеніи между собою, а этотъ кругъ никогда не можетъ быть особенно великъ.

Мы не будемъ уже разбирать того, какимъ образомъ развиваются человѣческіе языки. Это завело бы насъ слишкомъ далеко. Языковъ такъ много и они такъ сильно различаются между собою, что изученіемъ языковъ и ихъ развитія занимается особая обширная наука, называемая языкознаніемъ. Для насъ важно только происхожденіе языка.

Безъ языка не могло развиваться и счисленіе.

Счисленіе

Намъ, привыкшимъ уже къ довольно большимъ числамъ, трудно представить себѣ, что существовали когда-то такіе люди, которые умѣли считать только до трехъ. Однако существуютъ самыя неопровержимыя данныя, свидѣтельствующія о томъ, что дѣйствительно были такія времена. Тогда люди знали только „одинъ“ да „два“; все остальное обозначалось словомъ „много“.

Какъ трудно было первобытнымъ людямъ открыть способъ считать большое количество предметовъ, видно отчасти изъ того, съ какимъ трудомъ пріучаются къ счету дѣти, которыя позднѣе всего выучиваются считать и то до очень небольшого числа, а дальше для нихъ идутъ всевозможныя слышанныя ими отъ взрослыхъ числа, безъ всякаго порядка, при чемъ часто повторяются одни и тѣ же, и счетъ начинается снова.

Мало по малу къ тремъ стали прибавляться все новыя и новыя числа, пока человѣкъ не дошелъ до способа считать такъ, какъ теперь. Но путь этотъ не легкій. Человѣку пришлось отыскать себѣ подспорье въ счетѣ, такъ какъ въ памяти числа держаться не могли.

Естественнѣе всего человѣку было обратиться къ по-

мощи пальцевъ, и онъ сталъ считать по пальцамъ. И теперь еще пальцы нерѣдко намъ помогаютъ. У многихъ народовъ существуетъ такой способъ счета: существуютъ особыя названія для чиселъ отъ одного до четырехъ, а потомъ говорится „рука“, т. е. всѣ пять пальцевъ, пятерня. Потомъ идутъ „пятерня и одинъ“, т. е. шесть и т. д. до десяти, вмѣсто чего говорятъ „двѣ руки“, т. е. двѣ пятерни. Далѣе уже идетъ счетъ пальцевъ одной ноги: „одинъ палецъ ноги“ значитъ одиннадцать, „нога“ значитъ пятнадцать, далѣе переходятъ на другую ногу, и двадцать обозначается словами „весь человѣкъ“.

Что такимъ именно путемъ счета по пальцамъ и наши предки дошли до теперешняго способа считать, этому существуетъ много доказательствъ. Наше слово „пять“ родственно слову „пять, пястье“, что прямо указываетъ на то, что и наши предки говорили „рука“ для обозначенія пяти. Римскія цифры указываютъ на то же: знакъ V, употребившійся для обозначенія пяти, представляетъ упрощенный рисунокъ кисти руки съ откинутымъ большимъ пальцемъ.

У насъ теперь принимается за единицу высшаго порядка десять единицъ низшаго. Такое счисленіе возникло, очевидно, изъ двойного счета пальцевъ руки. Оно называется десятичнымъ. Десять единицъ составляютъ десятокъ, десять десятковъ — сотню, десять сотенъ — тысячу и т. д.

Но это стройное счисленіе возникло сравнительно недавно. Древніе народы не знали на примѣръ нашего милліона и милліарда, ихъ счисленіе не шло дальше тысячи. Всѣ высшія числа составлялись изъ этого числа. Это совершенно понятно, такъ какъ древнимъ очень рѣдко приходилось имѣть дѣло съ такими большими цифрами.

Письмо

Та помощь, которую оказываютъ человѣку и языкъ, и счисленіе, значительно поддерживается и усиливается тѣмъ, что люди умѣютъ записывать и то, и другое. Какимъ же образомъ люди изобрѣли письмо?

Бывали случаи, когда человѣку приходилось дѣлать нѣкоторыя помѣтки на деревьяхъ и другихъ предметахъ,

чтобы не только ему самому, но и другому было извѣстно, что дерево или другая вещь была найдена именно тѣмъ, а не другимъ лицомъ.

Понятно, что каждый долженъ былъ для этого придумать особые знаки, чтобы не произошло при этомъ путаницы. Такимъ образомъ у каждаго былъ свой знакъ, по которому другой уже могъ знать, кто именно его поставилъ. Такіе же знаки выставлялись и на мѣстѣ могилъ для обозначенія того лица, которое тамъ похоронено, чтобы мѣсто могилы не затерялось. Такимъ образомъ знаки уже начинали получать извѣстный, вполне опредѣленный смыслъ.

Само собою разумѣется, что, желая при этомъ достигнуть наибольшей ясности, человѣкъ старался выбрать такой знакъ, которой бы напоминалъ человѣку обозначаемый имъ предметъ. Такимъ образомъ зарождалось письмо фигурами, которое особенно сильно развилось въ древнемъ Египтѣ.

Желая обозначить, что рѣчь идетъ о какомъ либо предметѣ, человѣкъ прямо рисовалъ этотъ предметъ. Мало по малу, когда всѣ уже привыкли къ опредѣленному рисунку, предметъ для простоты рисовали уже не такъ подробно, такъ какъ всякій и по этому намеку легко догадывался, что имѣется въ виду.

Но отъ этого до нашего письма все еще далеко. При такомъ способѣ легко понять, о какихъ предметахъ идетъ рѣчь, но о связи ихъ между собою человѣкъ долженъ догадываться самъ, а это не всегда легко. Поэтому первоначально старались и эту связь выразить рисункомъ. Чтобы изобразить, напримѣръ, что люди пошли, рисовали прямо шагающихъ въ одну сторону людей; чтобы изобразить, что люди разошлись, рисовали людей идущихъ въ разныя стороны и т. под.

Но чѣмъ болѣе усложнялась человѣческая жизнь, тѣмъ труднѣе было выразить всѣ эти положенія рисункомъ. Поэтому стали употреблять мало по малу тѣ же знаки, только въ нѣсколько другомъ смыслѣ. Начали употреблять ихъ въ смыслѣ отдѣльныхъ слоговъ, изъ ко-

торыхъ составлялось новое слово, какъ это дѣлается у насъ въ ребусахъ. До этого тѣмъ легче можно было дойти, что въ древнихъ языкахъ слова были короткія, по большей части односложныя. Такой способъ письма уже давалъ возможность писать такія слова, которыя не обозначали никакого предмета, и написанная рѣчь поэтому сдѣлалась значительно яснѣе.

Отсюда уже не далеко было до изобрѣтенія такой азбуки, какую употребляемъ мы. Знаки этой азбуки, какъ и всѣхъ азбукъ европейскихъ народовъ, ведутъ свое начало отъ финикійскаго письма, а сами финикіяне заимствовали знаки для звуковъ своего языка отъ египтянъ. Послѣ финикіянь европейскіе народы уже не изобрѣтали своего письма, а брали чужую азбуку и приспособляли ее къ своему языку.

Славяне заимствовали азбуку отъ грековъ, а часть ихъ воспользовалась латинскимъ письмомъ; такъ чехи и поляки пишутъ латинскими буквами, а наши буквы ведутъ свое начало отъ греческихъ.

Первобыт-
ная религія

Всѣ тѣ открытія и изобрѣтенія первобытнаго чело-
вѣка, о которыхъ мы говорили раньше, доказываютъ уже
значительное развитіе его ума. Но множество явленій,
которыя онъ наблюдалъ ежедневно, всетаки, оставались
для него непонятными. Въ темныхъ тучахъ грохоталъ
громъ, блистала ослѣпительная молнія, которая, ударяя въ
дерево, иногда его зажигала. Нерѣдко она убивала на
смерть челоуѣка. Вулканы выбрасывали раскаленные камни
и пепелъ и изливали потоки горячей лавы. Солнце вос-
ходило утромъ, подымалось все выше и выше, а затѣмъ
снова опускалось и заходило на противоположной сторонѣ
горизонта. Ночью на усыпанномъ звѣздами небѣ плыла
луна, которая съ каждымъ днемъ замѣтно мѣнялась: то
являлась въ видѣ серпа, увеличиваясь до полного круга,
то опять уменьшалась и исчезала. Первобытный челоуѣкъ
и въ самомъ себѣ, и въ своихъ собратьяхъ наблюдалъ
множество непонятныхъ явленій. Онъ засыпалъ и видѣлъ
во снѣ тѣхъ людей, которыхъ на самомъ дѣлѣ не было
тамъ, гдѣ онъ спалъ. Онъ видѣлъ во снѣ даже умершихъ,
которыхъ самъ схоронилъ, враговъ, которыхъ самъ убилъ.

Лежа въ глубокомъ снѣ, онъ видѣлъ самого себя гуляющимъ въ отдаленной мѣстности. Часто видѣлъ онъ и страшные сны, отъ которыхъ съ крикомъ просыпался. Его самого и его собратьевъ поражали болѣзни. Безъ всякой видимой причины человѣкъ иногда падалъ въ обморокъ. Съ людьми дѣлались припадки: ихъ било, трясло. Наконецъ удивляла первобытнаго человѣка и самая смерть: еще недавно двигавшійся и говорившій человѣкъ лежалъ передъ нимъ неподвижнымъ трупомъ. Особенно странной казалась внезапная смерть. Даже собственныя изобрѣтенія человѣка часто поражали его неожиданностями. Огонь, который онъ умѣлъ добывать, иногда не загорался, не смотря ни на какія усилія. Самое человѣческое слово обладало какимъ-то таинственнымъ свойствомъ: одно упоминаніе о чемъ нибудь страшномъ наводило нерѣдко на человѣка ужась, другой разъ слово радовало его. Человѣкъ замѣчалъ, что и самъ онъ словомъ можетъ другихъ и напугать, и развеселить.

Всѣхъ этихъ явленій первобытнй человѣкъ не могъ себѣ правильно объяснить. Страшный богъ бросалъ изъ тучъ огненную молнію съ раскатами грома. Боги выбрасывали изъ вулкановъ огонь и выливали лаву. И солнце считалось богомъ, то милостивымъ, если оно согрѣвало и оживляло человѣка, то злымъ, если оно палило и жгло. Вся природа для первобытнаго человѣка была живая: во всемъ онъ видѣлъ дѣйствіе особыхъ существъ, божествъ. Не только въ живыхъ существахъ, но и въ растеніяхъ, и въ камняхъ жили особые духи, которые могли человѣку помогать и вредить. Если упавшее дерево или камень убивали человѣка, то это приписывалось дѣйствію духовъ, живущихъ въ этихъ предметахъ. Въ существованіи духовъ убѣждали и сны. Если человѣкъ видѣлъ во снѣ деревья, камни и другіе предметы, между тѣмъ какъ ихъ на самомъ дѣлѣ не было, то это для первобытнаго человѣка могло объясняться только тѣмъ, что духи этихъ предметовъ отдѣлялись отъ нихъ и посѣщали его во время сна. Такимъ образомъ и въ камняхъ первобытнй человѣкъ видѣлъ присутствіе таинственныхъ духовъ.

Божества

Жертва

Съ этими духами ему постоянно приходилось сталкиваться и ему необходимо было жить съ ними въ ладу, чтобы они чего нибудь ему не испортили. Если случалось какое нибудь несчастье, то это объяснялось злобою духа на человѣка: духъ былъ чѣмъ нибудь недоволенъ; его нужно было склонить какимъ нибудь образомъ на свою сторону, чтобы онъ не мстилъ человѣку. По мнѣнію первобытнаго человѣка эти духи имѣли тоже свои желанія и главное изъ этихъ желаній, какъ и у человѣка, было желаніе ѣсть. Духъ сердился на человѣка за то, что онъ не накормилъ его. Поэтому первобытный человѣкъ, приступая къ ѣдѣ, старался накормить и тѣхъ духовъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло. У многихъ народовъ есть обычай при каждой ѣдѣ часть пищи отдавать этимъ духамъ. Эта пища клалась въ опредѣленное мѣсто и предполагалось, что ее съѣдали тѣ боги, которымъ она приносилась. Эта пища называется жертвой, а принесеніе пищи богу носить названіе жертвоприношенія. Такимъ образомъ жертва обыкновенно представляла ту же пищу, которую ѣлъ и самъ человѣкъ.

Но у нѣкоторыхъ народовъ мы находимъ обычай приносить особую жертву богамъ: для жертвы выбираются, примѣръ, особые виды растительной пищи (ячмень, бобы, горохъ и т. п.) или приносятся въ жертву люди, обыкновенно плѣнники. Такія человѣческія жертвоприношенія сохранились еще у нѣкоторыхъ дикихъ народовъ, а въ древности они существовали даже у европейцевъ (напримѣръ у древнихъ грековъ). Всѣ эти обычаи показываютъ, что прежде люди употребляли въ пищу то, что теперь приносятъ только въ жертву богамъ. Такъ что, если мы встрѣчаемъ народъ, у котораго сохранились или раньше были человѣческія жертвоприношенія, то мы можемъ вывести изъ этого, что эти народы раньше были людоедами.

Не всѣ первобытные боги любили одну и ту же пищу. Однимъ изъ нихъ приносили въ жертву животныхъ, другимъ растительную пищу, третьимъ различные напитки, а инымъ сжигали пахучія вещества. Во многихъ случаяхъ

можно легко догадаться, почему тому или другому богу приносилась особая жертва. Особенно замѣтно это на почитаніи огня. Огонь такой богъ, который легко пожираетъ различныя жертвы; онъ ихъ сжигаетъ. Но есть нѣкоторыя вещества, которыя особенно хорошо горятъ: ихъ, значить, и любить огонь. Дрова горятъ гораздо лучше, если ихъ обмазать или облить какимъ-нибудь масломъ. Значить богъ-огонь любитъ масло. И огню приносили въ жертву масло. Такимъ образомъ входило въ обычай приносить богамъ въ жертву ихъ любимую пищу. Такъ какъ и въ животныхъ жили духи, то и животныхъ считали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ за боговъ и имъ приносили въ жертву то, чѣмъ питались животныя. Первобытный человѣкъ не ко всѣмъ своимъ богамъ относился съ одинаковымъ почтеніемъ. Одни изъ нихъ были ему очень страшны и требовали постоянныхъ жертвъ, другіе, какъ деревья и камни, отличались очень мирнымъ нравомъ. Ихъ первобытный человѣкъ иногда даже наказывалъ, думая, что они принесли ему какое-нибудь несчастіе. Нѣкоторые предметы человѣкъ всегда носилъ съ собою, думая, что они предохраняютъ его отъ всякой бѣды. Если оказывалось, что этотъ предметъ не отвращалъ несчастія, то человѣкъ бросалъ такой предметъ, какъ негодный, и выбиралъ себѣ другого хранителя.

Мы указывали выше, что первобытному человѣку таинственной казалась и сила его собственнаго слова. Вѣруя въ эту таинственную силу слова, человѣкъ старался воспользоваться ею, чтобы заставить людей или даже самихъ боговъ сдѣлать такъ, какъ ему хотѣлось. По первобытнымъ вѣрованіямъ, если слово сказано, то оно непременно оказываетъ свое дѣйствіе. Обращаясь къ своимъ богамъ, первобытный человѣкъ старался словомъ заставить боговъ оказать ему содѣйствіе. Такое обращеніе къ богамъ называется заклинаніемъ. Изъ заклинанія развивается молитва, которая представляетъ изъ себя просьбу, обращенную къ божеству. Молитва предполагаетъ болѣе высокое представленіе о божествѣ: его не всегда можно заставить принести счастье, его нужно умѣть упросить.

Заклинаніе

Молитва

Заговоры

Заклинанія особенно часто употреблялись противъ болѣзней, которыя, какъ казалось первобытному человѣку, происходили отъ дѣйствія злого духа. Такія заклинанія извѣстны у насъ въ Россіи подъ именемъ заговоровъ. Еще и до сихъ поръ нерѣдко крестьяне обращаются за лѣченіемъ къ своимъ знахарямъ и знахаркамъ, которые умѣютъ заговаривать и зубную боль, и лихорадку, и другія болѣзни. Эти же знахари и знахарки могутъ, по народнымъ повѣрьямъ, также и навести болѣзнь на здороваго человѣка: „они слово знаютъ“, такое слово, которое дѣйствуетъ неотразимо. Поэтому въ концѣ заговоровъ обыкновенно высказывается пожеланіе, чтобы слова заговора были крѣпки: „Будьте мои слова крѣпки и лѣпки, тверже камня, лѣпче клею и сѣры, сольчѣй соли, вострѣй меча-самосѣка, крѣпче булата“.

Чтобы слово подѣйствовало, нужно знать, какія слова слѣдуетъ произнести. Эти слова сопровождаются обыкновенно извѣстными дѣйствіями. Нужно знать и то, въ какую сторону оборотиться лицомъ, когда какое слово сказать и т. д. Если что-нибудь пропустишь, то и заговоръ не подѣйствуетъ. Это повѣріе произошло, конечно, отъ того, что заговоры часто не дѣйствовали. Тогда говорили, что была какая-нибудь ошибка въ словахъ или въ дѣйствіяхъ, или кто-нибудь другой помѣшалъ исполненію заговора своимъ болѣе сильнымъ заговоромъ.

Заклинатели

Такъ какъ не легко было знать всѣ подробности, необходимыя для заклинаній на всевозможные случаи жизни и болѣзни, то появились особыя знатоки этого дѣла, къ которымъ и обращались за помощію, когда была необходимость. Эти знатоки заклинаній называются знахарями, колдунами, заклинателями. Ихъ также называютъ шаманами. Такой шаманъ, или колдунъ иногда дѣлался извѣстнымъ потому, что зналъ такое ремесло, какого не знали другіе. Часто колдунами считаютъ мельниковъ, кузнецовъ, плотниковъ и другихъ мастеровъ.

Эти шаманы-колдуны иногда дѣйствительно знакомы съ дѣйствіемъ нѣкоторыхъ лѣкарственныхъ травъ, умѣютъ готовить изъ нихъ снадобья, зелья, которыми и лѣчатъ.

Но они скрываютъ отъ народа свои знанія и поддерживаютъ въ немъ вѣру въ свое колдовство.

У всѣхъ первобытныхъ народовъ очень распространено поклоненіе духамъ умершихъ предковъ. Нужно было позаботиться о томъ, чтобы духъ умершаго имѣлъ все необходимое для своего существованія, а прежде всего, конечно, пищу.

Забота живыхъ объ умершихъ начинается, конечно, со времени смерти человѣка. Прежде всего нужно было позаботиться о погребеніи умершаго. Могила должна быть домомъ для покойника. Этотъ домъ нужно было устроить такъ, чтобы покойникъ имѣлъ въ немъ полное хозяйство.

Поэтому въ могилу клали все, что считалось необходимымъ: различнаго рода посуду, оружіе, украшенія, вообще все, чѣмъ пользовался покойникъ при жизни. Нѣрѣдко съ умершимъ погребали также рабовъ, которые должны были ему прислуживать, и лошадей. У нѣкоторыхъ народовъ было въ обычаѣ, чтобы и жена умершаго слѣдовала за своимъ мужемъ въ могилу.

Такъ какъ трупъ вскорѣ послѣ смерти начиналъ портиться, разлагаться, то нѣкоторые народы старались сохранить трупъ отъ гніенія различными способами. Такою заботою о трупахъ особенно отличались древніе египтяне, которые научились такъ хорошо готовить тѣла умершихъ, что нѣкоторые изъ нихъ сохранились даже до нашего времени.

При раскопкахъ древнихъ могилъ постоянно находятъ во множествѣ всевозможную утварь рядомъ съ остатками человѣческихъ костей. Это и показываетъ, что первобытные люди вѣрили въ то, что духъ человѣка и послѣ смерти нуждается во всемъ необходимомъ для живыхъ. Они вѣрили также, что умершій можетъ имъ причинить какой-нибудь вредъ, если они о немъ не позаботятся. Что первобытный человѣкъ дѣйствительно боялся труповъ, это видно изъ многихъ подробностей погребенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ, напримѣръ, обычай выносить покойника изъ дома не черезъ дверь, а черезъ разобранную стѣну. Послѣ выноса покойника стѣну снова

Почитаніе
духовъ
предковъ

зadъльваютъ. Это дѣлается для того, чтобы умершій потомъ не нашолъ входа въ домъ. Самое мѣсто погребенія часто выбирается гдѣ-нибудь вдали отъ жилья, иногда за рѣкою или за горою, чтобы покойнику труднѣе было добраться до своихъ родныхъ.

Но забота о покойникѣ не ограничивается погребеніемъ. Родственники должны приносить ему отъ времени до времени пищу и питье. Эти припасы клались на могилу, а жидкости выливались на нее. Иногда по опредѣленнымъ днямъ духи умершихъ родственниковъ приглашались въ домъ принять участіе въ общемъ обѣдѣ. Первобытные люди воображали, что духи предковъ дѣйствительно приходятъ къ нимъ въ гости и ѣдятъ и пьютъ вмѣстѣ съ ними. Подобные обычаи и до сихъ поръ существуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи. Поминки покойника, которыя въ древности назывались тризной, сохранились у насъ повсемѣстно. Это тоже угощеніе духа умершаго, и для этого угощенія приготовляются обыкновенно особья старинныя кушанья, напримѣръ, блины, гороховый кисель.

Антропоморфизмъ

Мы видѣли, что первобытная религія состоитъ въ почитаніи всевозможныхъ предметовъ, въ которыхъ, по первобытнымъ вѣрованіямъ, живутъ духи. Эти духи не всѣ одинаково сильны и могущественны. Поэтому уже въ первобытной религіи мы встрѣчаемся съ дѣленіемъ этихъ духовъ на высшіе и низшіе. Съ теченіемъ времени эти вѣрованія начинаютъ мало по малу измѣняться. Низшіе духи, какъ менѣе сильные, считаются подчиненными высшимъ богамъ. Такимъ образомъ боги оказываются начальниками цѣлаго множества подчиненныхъ духовъ. Общество боговъ люди начинаютъ представлять себѣ совершенно такимъ же, какъ и общество человѣческое. Отношеніе между сильными и слабыми богами первобытный человѣкъ представляетъ себѣ, какъ отношеніе старшихъ и младшихъ. Сильные боги — это родители, болѣе слабые — дѣти. У боговъ, какъ и у людей, есть мужчины и женщины. Боги женятся, у нихъ рождаются дѣти. Низшіе духи являются прислужниками боговъ, ихъ рабами. Такое представленіе боговъ въ видѣ людей называется антро-

поморфизмомъ. Первоначально человѣкъ поклонялся предметамъ, думая, что въ нихъ живутъ духи; теперь онъ представляетъ себѣ боговъ въ человѣческомъ образѣ. Но въ природѣ такихъ боговъ нѣтъ, и человѣкъ начинаетъ выдѣлывать изъ дерева, изъ металла или изъ камня изображенія боговъ, которымъ онъ и молится, и приноситъ жертвы. Эти изображенія боговъ называются идолами. Такимъ образомъ поклоненіе идоламъ, или идолопоклонство замѣняетъ прежнее поклоненіе предметамъ, фетишамъ. Переходъ этотъ совершается не сразу, и долгое время поклоненіе фетишамъ существуетъ на ряду съ идолопоклонствомъ. Это совершенно понятно, потому что въ видѣ людей прежде всего начинаютъ изображать высшихъ, могущественныхъ боговъ, а низшіе духи, съ которыми человѣку постоянно приходится сталкиваться, по прежнему живутъ въ фетишахъ и не имѣютъ особыхъ изображеній.

Антропоморфизмъ достигъ наибольшаго развитія у древнихъ грековъ, которые изображали своихъ боговъ въ видѣ художественныхъ статуй. По ихъ вѣрованіямъ главныя высшія божества составляли одну семью, жившую на высокой горѣ Олимпѣ. Всѣмъ міромъ управлялъ Зевсъ со своими дѣтьми, изъ которыхъ каждый завѣдывалъ своею областью явленій: Аполлонъ — богъ солнца, Артемида — богиня луны, Аѣина — богиня мудрости, Деметра, сестра Зевса, — богиня плодородія, и т. д. Кромѣ того два брата Зевса, Посейдонъ и Аидъ, управляли первый — моремъ, второй — подземнымъ царствомъ, гдѣ жили души умершихъ людей.

Какъ ни могущественны греческіе боги, въ особенности Зевсъ, который сильнѣе всѣхъ другихъ боговъ, однако, по вѣрованіямъ древнихъ грековъ, есть еще болѣе могущественная сила — судьба (Мойра). Предъ судьбою безсиленъ и Зевсъ; онъ не можетъ предотвратить того, что опредѣлено судьбою, хотя онъ и знаетъ будущее. Такимъ образомъ греки вѣровали въ существованіе высшей силы, управляющей жизнію не только людей, но и боговъ. Эта вѣра въ судьбу, въ единую высшую силу

Едино-
божіе

представляетъ переходъ отъ поклоненія многимъ богамъ, отъ многобожія, къ признанію одного только бога, къ единобожію.

Если мы теперъ представимъ себѣ, какъ развивалась первобытная религія, то увидимъ, что прежде всего человѣкъ обоготворялъ отдѣльные предметы и отдѣльныя силы природы. Замѣчая между этими многочисленными силами взаимную связь и зависимость, онъ выражалъ это естественно въ видѣ связи между его божествами. Одни изъ этихъ божествъ дѣлались главными, богами, другія считались низшими, демонами. Переходъ къ единобожію свидѣтельствуемъ о признаніи того, что во всемъ мірѣ господствуетъ общій порядокъ, которымъ и должно управлять единое божество. Поэтому до единобожія доходятъ обыкновенно только наиболѣе развитые народы. Да и то обыкновенно единобожіе не господствуетъ всюду: громадное большинство, признавая даже единое божество, управляющее міромъ, всетаки сохраняетъ и вѣру въ старыхъ боговъ и демоновъ.

Искусство

Все, что бы ни дѣлалъ человѣкъ, онъ старается обыкновенно сдѣлать такъ, чтобы вещь была не только хорошо приспособлена къ удовлетворенію какой либо потребности, но и выглядѣла бы красиво. То, что имѣетъ въ виду не прямую пользу, а красоту, — все это мы относимъ къ области искусства. Искусство разнообразно, какъ самая жизнь: нѣтъ такой области жизни, гдѣ бы не проявлялась человѣческая любовь къ красивому, изящному. Мы уже указывали раньше, говоря объ одеждѣ, что иногда невозможно отдѣлить её отъ украшенія. То же существуетъ и во всѣхъ другихъ областяхъ человѣческой жизни. Шьютъ ли человѣкъ одежду, строятъ ли жилище или лодку, дѣлаютъ ли оружіе, лѣпятъ ли горшки изъ глины, готовятъ ли пищу, произносятъ ли молитву или заклинаніе, — всегда человѣкъ заботится и о томъ, чтобы все это было красиво. Въ этомъ смыслѣ всякая дѣятельность человѣка носить въ себѣ зародыши разнообразныхъ искусствъ. Но не всѣ такіе зародыши искусствъ могутъ развиваться въ самостоятельныя области искусства. Поэтому мы должны

остановиться только на такихъ зачаткахъ искусства, которые съ теченіемъ времени оторвались отъ своей практической основы и стали развиваться самостоятельно. Такихъ искусствъ сравнительно немного: зодчество, ваяніе, живопись, поэзія, музыка, танцы.

Зодчество (или архитектура) еще и до сихъ поръ не порвало связи со своей практической основой и развило очень сложную систему спеціально архитектурныхъ украшеній. Здѣсь мы можемъ очень удобно наблюдать, какъ необходимая часть постройки превращается въ украшеніе. Самый лучший примѣръ такого перехода даютъ колонны въ греческомъ искусствѣ, развившіяся изъ столбовъ, подпиравшихъ крышу зданія. При отсутствіи жилища у первобытнаго человѣка, зодчество какъ искусство, развивается, конечно, въ сравнительно уже болѣе позднія времена. Греція, Римъ, Египеть, Индія оставили намъ грандіозные памятники зодчества, но всѣ они относятся уже къ высокой ступени культуры.

Ваяніе возникаетъ различными путями. Уже всякое приготовленіе вещей изъ дерева, камня, глины, металла развиваетъ необходимое для ваянія умѣніе обрабатывать эти матеріалы. Но этого умѣнія еще недостаточно для появленія особаго искусства: необходимо было, чтобы обработка указанныхъ матеріаловъ нашла еще особую область примѣненія, въ которой развитіе способовъ обработки могло бы итти совершенно свободно. Такою областью является религія, которая служила школою не только ваянія, но и поэзіи, музыки и танцевъ.

Почитаніе предковъ у многихъ народовъ соединяется съ изготовленіемъ ихъ изображеній, которыя нерѣдко превращаются въ идоловъ. Точно также и боговъ своихъ первобытнѣйшій человѣкъ старается изобразить въ какомъ-нибудь вещественномъ образѣ, иногда въ видѣ животнаго, по большей части въ видѣ человѣка. Дѣлая изображенія своихъ боговъ, человѣкъ и развилъ искусство ваянія. Въ Греціи, напримѣръ, найдено множество прекрасныхъ статуй боговъ и богинь, сдѣланныхъ изъ мрамора или бронзы. Съ развитіемъ этого искусства создается особый классъ

людей, ваятелей, которые посвящаютъ всю свою жизнь этому дѣлу. О связи искусства ваянія съ религіей свидѣтельствуеетъ то обстоятельство, что въ Греціи во многихъ храмахъ хранились, какъ святыня, старые грубые идола, а новыя художественно исполненныя статуи боговъ считались лишь украшеніями. Оторвавшись отъ религіи, ваяніе стало брать и другіе сюжеты: оно стало изображать и обыкновенныхъ людей въ обыденной обстановкѣ, но по большей части работало надъ памятниками или изображеніями знаменитыхъ людей.

Склонность къ живописи развилась въ человѣкѣ въ очень древнее время. До насъ дошли нѣкоторые рисунки человѣка, современнаго мамонту: на кости острымъ

Рис. 18.

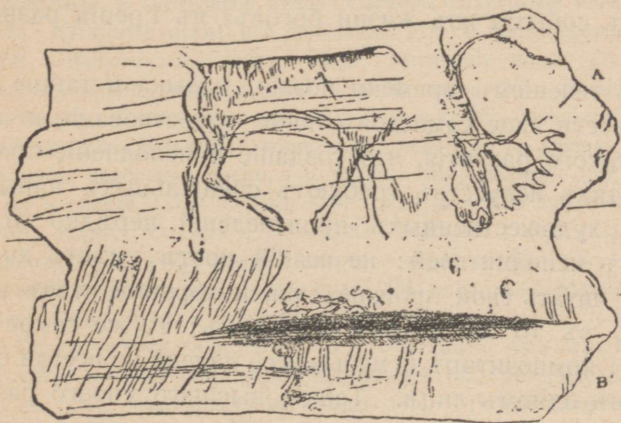

Мамонтъ, вырѣзанный на костяной пластинкѣ (гrotto Мадлены).

орудіемъ очерчено изображеніе мамонта (рис. 18). Подобные же рисунки, обыкновенно животныхъ, находятъ также въ старинныхъ пещерахъ, гдѣ жилъ первобытный человѣкъ (рис. 19). И теперь многіе народы любятъ живопись и довольно хорошо изображаютъ сцены изъ своей обыденной жизни. Особеннымъ дарованьемъ въ этомъ отношеніи обладаютъ сѣверно-американскіе краснокожіе, которые даже развили самостоятельно своеобразное письмо картинами. Живопись находила широкое примѣненіе въ качествѣ украшенія на тканяхъ, деревянной и глиняной посудѣ и т. д. Высокаго развитія достигла вазовая живопись въ древней Греціи.

Поэзія, музыка и танцы на первобытной ступени связаны между собою: поэтическая пѣсня обыкновенно сопровождается пѣніемъ или музыкою и болѣе или менѣе сильными тѣлодвиженіями, пляскою. Часто одинъ изъ этихъ элементовъ преобладаетъ, при чемъ одинъ изъ нихъ можетъ и вовсе отсутствовать. Такъ напр., если главное значеніе имѣетъ поэтической рассказъ, какъ въ нашихъ былинахъ, то музыка принимаетъ форму речитатива, и при этомъ пляски уже не бываетъ. Съ другой

Рис. 19.

Пасущійся олень изъ Таингенской пещеры.

стороны, если пляска принимаетъ стремительный характеръ, то невозможнымъ становится при этомъ произнесеніе какихъ-нибудь словъ, и пляску сопровождаетъ одна только музыка, выбивающая тактъ, часто одинъ барабанъ. Въ виду этой тѣсной связи поэзіи, музыки и танцевъ, трудно рѣшить вопросъ, какое изъ этихъ искусствъ древнѣе. Указываютъ только на то, что пѣсни очень часто возникаютъ вмѣстѣ съ работою, особенно если она требуетъ дружныхъ размѣренныхъ движеній нѣсколькихъ человѣкъ, какъ напр. работа гребцовъ на лодкѣ. Кромѣ того слѣдуетъ указать на тѣсную связь всѣхъ этихъ трехъ искусствъ съ религіею. Что молитвы богамъ поются это

всѣмъ хорошо извѣстно; нѣсколько болѣе страннымъ кажется намъ обрядовое значеніе пляски. Между тѣмъ жрецы первобытныхъ народовъ, шаманы, являются обыкновенно плясунами, и ихъ жертвы и гаданія обыкновенно сопровождаются дикою пляскою. Пляски сопровождаютъ весьма разнообразныя обряды, даже похороны: траурная пляска кажется намъ чѣмъ-то невозможнымъ, между тѣмъ есть несомнѣнныя доказательства существованія такихъ плясокъ даже у нашихъ предковъ. Пляски цѣлыми хороводами часто имѣютъ мимическое значеніе, изображая различныя бытовыя сцены. Изъ такихъ хороводовъ, изображавшихъ событія изъ жизни боговъ, въ Греціи развилась драма.

Съ теченіемъ времени поэзія, музыка и танцы начинаютъ вести свое самостоятельное существованіе и достигаютъ такого развитія, что созданіе и исполненіе произведеній этихъ искусствъ требуютъ специальныхъ навыковъ. Творцы художественныхъ произведеній нерѣдко отдѣляются отъ исполнителей: не всякій поэтъ умѣетъ художественно читать свои произведенія, и хорошій чтець рѣдко бываетъ въ то же время и поэтомъ; то же самое и въ музыкѣ: композиторъ и музыкантъ далеко не всегда совпадаютъ въ одномъ лицѣ. Танцы высшаго своего развитія достигаютъ въ современномъ балетѣ, постановка котораго тоже требуетъ участія особаго художника-спеціалиста, изобрѣтающаго танцы и мимическія тѣлодвиженія, и цѣлаго ряда исполнителей, воплощающихъ мысли этого художника.

Таковъ общій ходъ развитія искусствъ. Каждое изъ нихъ имѣетъ свою длинную исторію. Излагать ее не входитъ въ нашу задачу. Для насъ важно было только указать первые зачатки искусствъ и отмѣтить тѣ силы, подъ вліяніемъ которыхъ совершилось обособленіе отдѣльныхъ областей художественнаго творчества.

Оглавленіе.

	стр.
Введеніе	1
I. Матеріальная обстановка жизни первобытнаго челоуѣка	7—47
Мѣсто жительства. Пища (7). Первобытныя орудія (9): каменныя (10); копье (11); лукъ (12). Культурныя растенія (13): маисъ и рисъ; просо; ячмень, пшеница и рожь (14). Соха и плугъ (15). Охота и земледѣліе. Ручная мельница (16). Полированныя каменныя орудія (17). Каменный, бронзовый и желѣзный вѣкъ. Способы сохраненія мяса (18). Открытіе огня; его добываніе (19) и поддержаніе (20). Приготовленіе пищи. Печи. Кипяченіе воды (22). Происхожденіе жилища (25). Рыбная пища (26). Ловля рыбы (28). Глиняная посуда (29). Прирученіе животныхъ: собака (30), свинья (31), кошка (32), овцы и козы, лошади, коровы, верблюды, олени и т. д. (33). Мореплаваніе (36). Плоть, лодка (37). Одежда (39); шкуры и ихъ дубленіе (40); ткани. Одежда и украшеніе. Металлы: мѣдь (41), бронза, олово (42); желѣзо, золото и серебро (43). Опыняющія вещества (44): сома, медь (45), пиво, виноградное вино (46), опиумъ и гашишъ, табакъ (47).	
II. Общественная жизнь первобытнаго челоуѣка	48—76
Родство и семья (49); родъ (52), фратрія (53), материнскій родъ (54), патріархальный родъ (55). Парная семья. Рабство (56). Наслѣдованіе имущества (57). Похищеніе женъ (58). Покупка женъ. Большая семья (59). Моногамія (60). Общинная охота и рыбная ловля (62). Общинное земледѣліе (65). Работы по орошенію (66). Общинныя постройки (69). Происхожденіе торговли (70). Купцы (71). Куначество (72). Возникновеніе денегъ (73). Внутренняя торговля (74).	
III. Умственная жизнь первобытнаго челоуѣка	77—98
Языкъ (77). Счисленіе (83). Письмо (84). Первобытная религія (86): божества, (87), жертва (88), заклинаніе, молитва (89), заговоры. Заклинатели (90). Почитаніе духовъ предковъ (91). Антропоморфизмъ (92). Единобожіе (93). Искусство (94).	

Est. A-11320

i205348038

1941.